

6. Дневники, молитвы, проповеди

6.1. Дневник духовный

Прага 8/21. III.1924

Вчера вечером, после тяжелых впечатлений от суеты века сего, неудач и личной горечи, я пришел отравленный и всю ночь — во сне и без сна — тосковал и скорбел. Я чувствовал себя погруженным в глубокую тьму, и, как часто бывает, вся жизнь казалась мне ошибкой и неудачей. И я чувствовал в себе и на себе дыхание *смерти*: она входила и выходила, и владела мною. Я молился, звал Бога, но не в силах был прорваться из глубины. Был сон: куда-то едем, высылают, и с нами новорожденное, хилое, несчастное дитя, и сердце изнемогает от боли и жалости за это дитя. Таким и встал, мертвым, тоскующим, и стал молиться. Сначала трудна была молитва, но потом чудесно возгорелось сердце. Господь умилосердствовался надо мною, сердце оттаяло, слезы радостной любви к Господу оросили меня, и я почувствовал в сердце одну радость, одну любовь и одну муку: все, все отдать для Господа, принять от Господа, понести от Господа. Христос мой, дай мне одно: любить Тебя, истаять в этой любви. Свете мой, Сладчайший Иисусе! Радость моя, Услаждение! Не оставляй это хладное, мертвое сердце Ты, воскресающий мертвецов!

9/22. III.1924

Целый день облегала меня тьма, и тщетно зывал я из глубины к Господу. А вечер принес целый сноп света. Скончалась жена пр. К-ра. Она была, вернее считала себя, неверующей. Господь удостоил ее, руками меня, грешного, приобщиться св. тайн. Еще на исповеди она лепетала о своем неверии, а ее прекрасное, чистое, верное сердце уже любило и знало Господа. А перед смертью она просила положить с собою в гроб тот плат, которым отирала она губы при причащении. Радость моя, родная моя, это Господь Сам пришел вечерять с тобою. И положу тебе в гроб не только плат, но и стеклянный сосуд и ложечку, которыми тебя причащал. Ограждайся ими от приражения демонского и гряди к последнему суду, доблестная! И лежит она, родная, — ясная, спокойная,

словно спящая, спорхнула ее душа, как птица, и где-то здесь, среди нас. И почувствовал я, что и моего окаянного сердца касается Господь руками и молитвами новопреставленной Екатерины, и затрепетало сердце мое от радостного зова. Прав Ты, Господи, и правы пути Твои.

10/23.III.1924

После смуты и смятения сердца Господь дает Свой свет и мир и радость. Разрываются облака, тают тучи, и то, что вчера еще казалось мрачным и безотрадным, ныне горит радостью небесной. Ничто не изменилось, только Господь коснулся сердца, и оно возрадовалось. Не нужно ничего, чем дорожат люди, не нужно талантов, успехов, достижений, все это — мнимое богатение в себя. Есть одно богатство и радость, которые Бог дал ровно всем людям: жизнь свою, содеваемую в Боге, и сердце, способность любить и радоваться любовью.

О, сердце человеческое, седалище образа Божия в человеке! Что тебя краше и сладостней, что радостней любви! Бог есть Любовь, и любящий пребывает в Боге. О, радость! О, радостей радость! Звонит песнь радости в любящем сердце, и изнемогает оно в блаженстве. «Я сплю, а сердце мое бодрствует»¹, в него стучится Жених.

12/25.III.1924

Господь дал нам духовный меч — молитву, но как трудно владем мы им, когда разленивается и хладеет сердце наше. Спешит человек, чтобы скорее миновать молитву и взяться за дела дневные, спешит от молитвы. И лишь когда преодолет он разленение сердца своего, когда загорится он молитвою, увидит он, что спешить некуда и не к чему, что нет ничего на земле нужнее и сладостнее молитвы.

14/27.III.1924

Бог послал мне радость видеть чистое творчество женской души. И удивлением пред чудесами Божиими и благодарностью полна душа моя. Трепещет сердце и не знает слов и мыслей, хочет оно, маленькая личинка, растаять и излиться в океане божественной любви, нас окружающей. О любовь Божия, Любовь, и наша человеческая любовь, любовь Любви, они безмерно различествуют, но изливается в океан каждая капля, и пусть, пусть прольется в это море и капля моего сердца. Господь мой, Радость, Сладчайший Иисусе!

15/28.III.1924

Господь дает новый день жизни, новую возможность любить Его, угодить Ему, созидать храм свой, дает новую радость жизни. Он

как бы снова творит мир Свой радостным этим днем. Надо каждодневно чувствовать это новое благодеяние Божие, это новое творение мира, возгревать в сердце своем благодарность и умиление. Когда на молитве утренней благодаришь Бога за этот день, данный Им, то с радостным удивлением смотришь на этот день, на эти небеса, на этот мир, опять тебе данный. И тогда невольно смотришь и на конец, когда по мановению десницы Божией отнимется от тебя мир сей и не будет уже новых дней, а только старые дни, в суете тобою загубленные, будут смотреться в зеркало души твоей.

19.III/1.IV.1924

Что краше чистой человеческой души, обращенной к Богу! Эти дни я был у одра умирающего и зрел его молитвенные восторги, и чувствовал себя недостойным стоять у сего святого места, ибо Господь был здесь. Как будто распахиваются врата вечности и через них доносится свет и звон и радость, радость навеки...

21.III/3.IV. 1924

Из глубины воззвах к Тебе, Господи. Когда сердце обуревают печаль и мрак сходит на душу, Ты, Господи, только Ты — утешение мое и прибежище мое. Я хватаюсь за край ризы Твоей, и утихает скорбь, и радость, благодарная радость заливают сердце. И я чувствую, что этой радости ничто не отнимет от меня. Но когда я, по малодушию, выпускаю из своих рук эту ризу, я тону. Господи, услыши глас мой и помоги всем сирым и скорбящим душам. Как высоко служение священства — стоять у скорбных и умирающих, зреть борения их и свет души их, молиться с ними и о них. Я был у постели молодой чахоточной девушки, и душа моя горела, и трепетал я от жалости и умиления пред этим срезанным цветом жизни. Близ Господь всем призывающим Его.

23.III/5.IV.1924

Блаженны кроткие²... Слова Господа о блаженстве кротости приходят на сердце, когда искушения некротости, запальчивости, гнева посещают грешную душу, а они всегда ее посещают; и как сладостно не отдаться этим чувствам, какую свободу и радость дает кротость. Недаром Господь о Себе сказал, что и Он кроток и смирен сердцем и дает покой душам нашим³.

28.III/10.IV. 1924

У одра умирающего о Господе. Нет страха смерти, нет ее раздражающего ужаса, но есть радость, блаженство и готовность послушно повелениям Господа перейти в другой мир, Ему одинаково

покорный и близкий, как этот мир. Стояние перед лицом вечности и потеря чувства собственной тяжести... О, как это освобождает душу, как исполняет ее небесного восторга... И как перед *этим* ничтожны наши земные события. Мы оторваны от России, это *духовная* наша родина, и, однако, *что значит и это*, когда пред нами наша общая духовная родина. И ни разу об этом не вспомнил и не почувствовал отходящий друг, ибо пред ним родина по плоти — семья его, и родина по духу — священник, в котором живет эта русская земля и с этой родиной и из этой родины грядет в родину духовную. Все не так, как здесь, иные измерения, иное видение. Благословен Бог, сподобляющий меня, недостойного, видеть и переживать все эти чудеса.

5/18.IV.1924⁴

Радость творчества. Перед моими глазами совершилось чудо человеческого творчества о Господе и для Господа: чистыми девическими руками начертались иконы Спаса и Приснодевы, как плод глубокого благоговения и тихой молитвы, а вместе настойчивого самоотверженного труда. Как возвышенно и свято это делание! Господь дает силы. Он посылает вдохновение, Духом Святым печатлеется красота. Ему довлеет искусство человеческое, и блажен тот, кто может и хочет и Ему отдать это искусство. И если в малом, в уголке, неприметном для мира, так благостно это творчество о Господе, какое блаженство наступит, если люди станут все делание совершать в Господе, если вся жизнь станет славословием, литургией. Ей, гряди же, гряди, Господи Иисусе!

18.IV/1.V.1924

Страстная седмица и Пасха Христова — дивные и явные чудеса Божии, ежегодно являемые, как возмущение вод в Силоамской купели. Это высокие горы, к которым ведет долгое восхождение великого поста, высота которых даже не чувствуется во время нахождения на ней. Душа воспламеняется и пылает все разгорающимся огнем в дивные дни Страстной седмицы, и, умирая, блаженствует, и блаженствует, умирая. А затем огонь этот сразу и непосредственно меняется и переходит в райский, светлый и веселящий, нежгущий и нежгущий, белый огонь пасхальный⁵. Если бы люди, чуждые Церкви, знали это, как загорелись бы, как засветились бы души их. И это явное чудо благодати Божией, спасающей и милующей. Все преображается, и это и есть уже заря преображения, все предстает в другом свете, благодатно, изнутри освященном. И такая жуткая и сладкая вместе с тем милость Божия. Порою душа хочет как будто разрешиться от тела

в сладостной истоме, отдать себя Богу, замереть... И этот свет Воскресения, облиставающий вдруг в пасхальную ночь, сменяющий все цвета и краски, все облакающий в белизну, которой не знает земной белильщик, как он входит в сердце, свивается там белым огнем, и горит, и светит. О радостей радость, сладчайший Иисусе!

6/18.V.1924

Нужно любить *труд* молитвы и никогда не ослабевать в нем. Люди ищут духовных услаждений, и, если благодать явит им лицо свое, когда она отнимется от них, они тоскуют и хладеют душой. Но труд молитвы, настойчивый, неослабный и упорный, есть выражение нашей действенной любви к Богу, которая стремится связать наше греховное естество и принести к алтарю. Царство Божие силою нудится. И никогда не остается неоправдан этот труд. Бывает, что молишься, а сердце остается холодным и черствым и язык — деревянным, а все-таки, если понудишь себя и ни в чем не дашь уступки и поблажки лени своей, после молитвы душа чувствует себя обновленной, упругой и окрепшей.

Это бывает и при богослужении церковном, когда и оно сопровождается охлаждением: и после него чувствуешь себя укрепленным. Поэтому трудитесь, братья, трудись и ты, лукавый раб, ибо труд есть любовь, и нетрудящийся леновствует в любви, он холоден сердцем.

19.V/1.VI.1924

Какое чудо — молитва. Грешный и недостойный человек в безумном дерзновении шлет свои мольбы, бросает свои слова в небо, и услышана бывает молитва, об этом знает сердце молящегося, когда он искренно молится. Это не значит, что *всякое* наше желание немедленно исполняется так, как нам этого хочется, это может и быть — и тогда молитва является непосредственно чудотворной, — может и не быть, но молитва искренняя, сердечная *всегда* имеет действие и *всегда* исполняется, она *всегда* чудотворна, ибо движима всемогущим и страшным Именем Божиим. Молись, человек, научись молиться, и великая сила, радость, спокойствие будут с тобою. Не отрицайся силы молитвы по немощи греховной, не говори о себе, что такому немощному и грешному не внемлет Бог. Он всякому сердцу молящемуся внемлет, и оно внемлет слышащему его Богу. И Бог не где-то вдали, высоко в небесах, Он здесь, в твоём сердце, везде, где призывается с благоговением Имя Его, ибо Он есть в этом Имени.

О какая милость Божия — молитва! Приучай себя к дыханию молитвы, вверяй себя молитве, научись ничего не предпринимать

без молитвы, и благо тебе будет! Молись и в горе и в радости, в нужде и благодарении, и будешь чувствовать Господа, держащего тебя за руку твою, и никогда не будешь один... Предзрех Господа предо мною, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю⁶.

26.V/8.VI.1924

Сегодня я шел к литургии ранним утром по освеженным после ночи улицам города. Я думал: Господь дает это утро в мире Своем. Все живет в нем в необъятной шири и глубине. Неисчислимы творения: люди и птицы, рыбы в глубине и пиявки на Эвересте, вся чисть и нечисть, — и все поет хвалу Богу в это утро, и все Им исполнено, и всюду Он близ... И близок Он и тебе, и ты создан в этот мир как его часть, не худшая других, ты удостоен бытия, ты гражданин и этой земли, и этих звезд, и всех бесконечностей великих и малых. И ты можешь, и поэтому должен внимать песне мира, несущейся к тебе отовсюду, славе Бога, которой полно небо и земля. И нет ведь здесь иного *тогда* или *там*, а есть только неподвижное *здесь* и *теперь*. Вся жизнь, пока Господь не загасил этот свет твоей жизни, есть непрестанное *теперь*. И какой грех против себя и против мира, какое малодушие ты обличаешь в себе, уходя в это *тогда*. Вот здесь, сейчас близ Господь и Слава Его, близ вечность и этот бесконечный Божий мир: и ангелы, поющие хвалу Богу, и вся тварь. Как это почувствовать во мгновении, биение мирового сердца и себя как частицу теплой мировой крови, несущейся по мировому телу? Как мне предзреть Господа пред собою выну? Но могу и хочу, Ты Сам помоги и научи меня, Господи!

30.V/12.VI.1924

Какое чудо любовь! Господи, Ты исполнил чудес мир Твой, весь он есть чудо благодати и премудрости Твоей. Но и это чудо бледнеет пред чудом Любви, пред чудом человеческого сердца.

Ты, Любовь Суцая, вложил в человека образ Свой, вложил в него способность любви, и силу любви, и жажду любви, и блаженство любви. Нет блаженства могущественнее, неизъяснимее любви, оно не вмещается в земную жизнь, оно переполняет душу и изливается на весь мир, оно освобождает душу от оков этой жизни.

Сильна, как смерть, любовь. Смерть в этом мире сильнее жизни, ибо она ее обрывает, но любовь сильнее смерти, она разрывает жизнь, но она и зажигает жизнь в вечности. Любовь всегда носит в себе вечность, она есть живое откровение о вечности, ибо сам Бог Любы есть⁷. Вечность — это и есть любовь, и голос вечности,

откровение вечности в человеческом сердце есть любовь. Сколь дивны дела Твои, Господи. Ты сотворил мир, но Ты сотворил и то, что выше мира, — любовь. Люди слепые и глухие, поймите же *тайну* любви во Христа и во Церковь, поймите блаженство любви. Господь — Жених, Возлюбленный души моей, Церковь — невеста моя возлюбленная. Любовь — блаженство ненасытное, жажда неутолимая, ревность — как преисподняя лютая.

И эта любовь никогда не насыщается, она все разгорается и переполняет душу. Такова любовь к Господу моему и такова любовь Господа ко мне, к каждому своему созданию. Любовь Божественная — это океан беспредельный, пучина неисследимая, пламя неугасимое и вечно распалляющееся. Любовь есть радостей радость, блаженство блаженств.

10/23.VI.1924

О я, несчастный грешник, каких великих даров и благодеяний Божиих я сподобляюсь. Сегодня ночью содрогался я и извивался как червь, и душа моя умирала от блаженства веяния Св. Духа. Я чувствовал это веяние, я знал его, я любил и радовался неземным блаженством радости любви. И я познал, что Дух Святой есть любовь, и откровение Св. Духа есть блаженство любви. Когда Господь, по Евангелию от Иоанна, обещал Утешителя, Он же дал и новую заповедь: «Да любите друг друга», и эта заповедь есть о приятии Св. Духа, и новое обетование — радость Свою совершенную, и эта радость есть радость о Духе Святом.

Днесь ночью я впервые познал это на опыте, и был со мною Дух Святой, и я изнемогал, и плакал, и трепетал, и любил всех и все, сердце ширилось и кипело, и изнемогало от любви. Этого нельзя сказать словом, неизреченен Дух Святой, но я узнаю блаженство будущего века, я узнаю исполнение обетований... Господи, дай мне сил идти стезей Твоей, научи меня творить волю Твою!

11/24.VI.1924

С вечера легла на душу черная туча — мысль о несчастной, обезбоженной, страдающей родине, идущей навстречу новым испытаниям голода, и темно было и тяжело о ней. Но сегодня на молитве предал себя и родину в волю Божию, и появились покой и мир. Твори волю Твою, Господи! Ты ведаешь пути, Ты знаешь их, помилуй, помилуй братьев моих, помилуй Церковь Твою.

Как в море волны, сменяются в душе все ее чувства, вдохновения и упадки. Как удивительна жизнь этого моря! Лишь бы всегда оставалась в нем эта глубина, лишь бы не оказывалось оно игрищем всякого ветра.

23.VI/6.VII.1924

Совість — голос Бога в человеческом сердце. Как она неуловима и неподкупна, как она обличает ложь и грех, срывает маски, поражает пороки. И нельзя ее обмануть. Но когда смутно в душе и когда она сама не в силах разобраться в море противоречий, тогда проси Господа пролить свет Его в тьму неведения и показать правый путь.

Благословен еси Господи, *научи* мя оправданием Твоим⁸. И так в великом и в малом. И пусть не мнит горделиво человек, что он знает путь свой и это путь добра, ибо трудом молитвы дается от Господа ведение путей своих. Научи же, Господи!

3/16.VIII.1924

Господи, мой Господи! Доколе длится гнев ярости Твоей на землю Твою? Пощади ее, помилуй, спаси ангелы Твоими от лютых демонов, ее терзающих, помилуй души эти, оскверняемые от рождения, лишаемые святого крещения, растлеваемые в мыслях и чувствах. Изжени раскованного, который, чувствуя, что немного ему дней осталось, терзает людей Твоих. Не о прежнем благополучии, которого мы недостойны были, просим Тебя, но освободи Церковь Твою святую, яви ее в славе Твоей. Когда молишься о России, — так тяжело, что сначала молитва упадает в пустоту и как будто отскакивает беззвучно перед глухой стеной. Она безответна. А затем сердце слышит какой-то ответ, что мы не ведаем происходящего, что хранит русскую землю Матерь Божия, что она спасена, и не нужно только отчаиваться, нужно верить и надеяться, нужно в себе возгревать эту любовь и веру.

5/18.VIII.1924

Какое бедствие постигло русскую землю, какое развращение! Изнемогает ум объять происходящее, раскованный сатана ярится. Но Господи, мой Господи, Ты прав, и правы пути Твои. Ты знаешь, что не виновны те, которые обучаются греху с молоком матери, как нет заслуги тех, которые жили в иные, более христианские времена. Но как единожды ответил Ты пророку Илии, что соблюл Ты Себе не преклонивших колена перед Ваалом, и как в Содоме сохранил десять праведников, так и ныне блюдешь в роде российском сих избранных и готовишь их к часу славы Твоея. Ты их проводишь чрез все искушения и закаляешь против всех напастей. Они пребывают с Тобою в напастях Твоих и явятся в славе Твоей. И они тогда станут ходатайствовать пред Тобою о братьях своих. Значит, есть и теперь путь избранных Тобою, не закрыт он для человека. Яви же его нам, укрепи волю нашу и верность нашу.

Ибо Ты рек: не бойся, избранное стадо, яко благоволил дать ему царство Отец Мой!

7/20.VIII.1924

Только бы покорность воле Божией! Только бы не дрогнуло сердце от неверия, от уныния, от страха пред совершающимся в мире, на родине нашей, пред всеми трудностями и сложностями, которые встают в жизни нашей. Если они не по воле нашей, не по греху нашему, но нам даны, ниспосланы как судьба, прими это как волю Божию о себе, как загадку до времени и задачу для настоящего. Неведом, непостижим путь, конец, цели Божии, но в сердце нашем удостоверительно звучит, что есть Бог и Его святая воля во всем.

Поэтому приучай себя смиряться, смиряться перед фактом, как пред волей Божией о тебе, но не смирайся ни пред каким греховным фактом в тебе самом. С ним борись и надейся на помощь Божию. В судьбах же внешних — мира ли, или человечества — ты себя должен спрашивать лишь, а чего от тебя это требует, какой образ делания достоин христианской веры. И мысли, и чувствуй так, что от тебя, от этого твоего действия или бездействия, как бы ни казалось оно мало или ничтожно в своей собственной сфере, судьбы мира зависят не меньше и не иначе, как от всех этих грандиозных, но и призрачных событий, которые совершаются на исторической сцене. Но не думай отворачиваться, отодвигать, объявлять существующее несуществующим, *уходить* от своего долга. Проклят ленивый и лукавый раб! И особливо будь верен с человеческим сердцем, любовь которого и судьбы вверяет тебе Господь. Смотри на это, как на самое важное, самое ответственное дело твоей жизни, имеющее значение для всего мира. Люби, дерзай и жертвуй, и прочая приложатся тебе.

10/23.VIII.1924

Бывает, что болеет близкий и дорогой человек, и всегда молимся о его спасении и исцелении. Церковь благословляет и зовет к такой молитве, и она не знает и не допускает молитвы о конце, кроме молитвы о разлучении души с телом, если оно слишком тягостно и продолжительно. Но позволительно, а могущим вместить даже и надлежит, молиться о конце мира и втором пришествии, как молился христиане: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» А это ведь есть и наша смерть, о которой свидетельствовал апостол: желание имый разрешиться и со Христом быти. И иногда, в ответ на человеческое усилие удержать во что бы то ни стало, хотя и явно есть воля Господня к иному или исполнилась уже полнота жизни, в ответ

на это в душе поднимается голос: не удерживай. Ныне надлежит исполнить всякую правду. Это чувство бывает, когда колос уже созрел и ждет своего серпа. Конечно, нам никогда не дано знать этого окончательно, но прозирать можем, тогда, например, когда смерть приближается в старости...

12/25.VIII.1924

Господи, научи нас молиться, как Иисус научил Своих учеников! И Божественная Премудрость изрекла молитву Господню. Ныне мне надлежит бремя сие непосильное: просят составить молитву о страждущей родине нашей! И я не могу не внять этому зову. Но что реку? Господи, Ты видишь немощь мою и зришь грехи мои. Ты ведаешь, что я недостойн зреть на небо и называться Твоим сыном⁹. Но если Тебе нужно, возьми меня, возьми руку мою, и пусть она начертает не то, что скажет мой жалкий ум, но что Ты в нее вложишь. Эти дни — святые Богородичные дни, Божия Матерь сама спасала русскую землю. Пусть и ныне Она спасет и Она мне поможет делу спасения через молитву сынов земли русской. Матерь Божия, тебе вверяю грешную руку свою. Ты благослови и направь начертать то, что угодно Тебе!

16/29.VIII.1924

Пресвятая Богородице, спаси нас! Молись, человеце, пречистой Матери Божией, Царице Небесной и Матери рода человеческого, молись с любовью, с верою, с надеждой, молись неотступно и верь, что Она услышит молитву твою. Нет человеку ближе, роднее человеческого существа, нежели Матерь Божия, сущая на небесах. Она покрывает мир, заступает его, Она со всею тварию, над всею природою, Она над водами и сушей, пашней и лесом, человеками и тварию. Она все в себе объемлет, все соединяет, всему Она — сердце милующее. После Господа и вместе с Господом молись Матери Его, Носительнице Духа Святого. И верь, что Богоматерь умолит и подаст тебе дар Святого Духа, и ты узришь Сына Божия, живущего в тебе. О, кто изъяснит тайны Богоматерние, кто уразумеет их. Пресвятая Богородице, спаси нас!

17/30.VIII.1924

Не думай. Не думай, о человеце, о делах твоих, как они устроятся, как сложатся твои отношения с людьми, как разрешатся трудности. Не пецйся на утрей¹⁰. Ты не знаешь ни продолжительности твоей жизни, ни всех условий, которые с тобою изменяются. Это смущение и тревога, которые на тебя нападают, все это подобно богачу, который хотел себя обеспечить на будущее, когда Бог отъ-

ял его душу. Нужно знать и твердо знать, как поступить сегодня: Господь дает нам сегодняшней день, полный всегда новых, неведомых, таинственных возможностей. Каждый день есть новая тайна у Бога, тайна о нашей жизни. Бог не давал бы дней, если бы они не были раскрывающейся тайной. И мы должны искать для себя места среди этих возможностей, должны ходить пред Ним, проверяя свой шаг — ближайший. Будь же беспечен святою евангельскою беспечностью, как дети. Греховна твоя многозаботливость, греховно твое желание так обдумать и устроить свою жизнь, чтобы ее *обезопасить* от всяких обстоятельств. Брось. Над тобою бдит ангел, охранитель душ и телес наших, все святые, Матерь Божия, а ты бди только и храни сердце твое, его отдай и принеси Богу, его наполни елеем любви и радования.

20.VIII/2.IX.1924

Воспою Господа в животе моем, пою Богу моему дондеже есмь¹¹. Каждый день, который дает Бог, освящай молитвой, хвали Бога, любви Его, поклоняйся величию Его!

Как безмерна милость и благодать Божия, что Он внемлет молению нашему, дает нам молитву и слышит ее, и приходит к молящемуся и пребывает в молитве. Ибо не в небесах неизмеримости Господь, но Он здесь, близ, во святом Имени Его, с верою и благоговением призываемом. И мы ведаем эту близость Его, это слышание Его. Вот почему молитва так омывает, освежает, исполняет сил, успокаивает душу, вот почему после искренней и горячей молитвы возвращаешься в мир и жизнь, словно Моисей с вершины Синая, неся на лице своем сияние лица Божия.

23.VIII/5.IX.1924

Всегда душу человеческую бороздят волны и гладь ее затемняют ветры. Во сне и наяву мы испытываем иногда неожиданные и непонятные смущения. Смущался я ночью на ложе моем, и снилось мне, что скончался наш патриарх и его погребают. И восстал, смущен: что будет с Церковью без него? Но по молитве утихла душа моя: для святейшего страдальца за русскую землю нашу его странствие есть величайшая милость Божия, яко честна пред Господом смерть преподобных Его. А о судьбах Церкви без него нам ли заботиться, когда мы не ведаем, что будет завтра.

И с новой твердостью прозвучало мне слово Господне: «не пейсы убо на утрей» — возложи на Господа печаль твою. Только молись, молись горячо, искренно, до тех пор, пока узнаешь, что услышана твоя молитва, по возгорению сердца, по теплоте сердечной узнаешь это. И тогда пойдешь с омытой душой на труд свой.

Господи, какое чудо милости Твоей, непрестанное и повседневное, дал Ты нам молитвою. Научи же нас молиться, воспламени дух молитвы, разреши леность сердец наших.

6/19.IX.1924

Вчера в Збраславе, в день св. прав. Захарии и Елизаветы, за литургией, после святого причащения и во время молебна о спасении России я, окаянный, удостоился неземного озарения. Предо мною на престоле стояла икона Казанской Божией Матери, довольно хорошего строгановского письма, принадлежащая старообрядцу Солодовникову. Мне стало казаться, что лик Пречистой бледнеет, а затем явственно и несомненно я видел в очах Пречистой слезы, она плакала. И это не раз и не два, это длилось, не знаю, долго или мало. Это не были слезы, которые можно было бы видеть глазом, хотя мне ничего не прибавило бы к достоверности, если бы они вытекли и скатились по пречистому лику. Но это было несомненное знамение: Богоматерь плакала. И в сердце у меня открылась сладостная и неизъяснимая тайна о том, как любит мир Богоматерь и как плачет Она о нем. В этих слезах была одна чистая любовь милующая, одно страдание за грех и о грехе, без всякого суда, осуждения, гнева. Сердце Богоматери ранится и плачет от всякого злого дела, слова, греховного приражения, ибо она есть любовь.

Слово бессильно выразить эту мысль и это чувство, но для меня было ясно, что, если бы открылась *такая* любовь и когда она откроется, ею, этою любовью, будет покорена и спасена *всякая* душа, глыба растает, сердце рванется в ответ этой любви, этой чистоте, жалости, страданию. Спасение мира и откровение Духа Святого будет откровением этой милующей и несудящей, а только жалеющей любви. Господь весь суд отдал Сыну, яко Сын Человеческий есть, но Дух Святой, живущий в Богоматери, не судит, а только милует. На Страшном суде судит Сын, но Пречистая милует и молит за мир. Она и на Страшном суде милость, прощение, жалость, не правда-любовь, но милость-любовь. И посему всегда Богоматерь милует, предстательствует, молится, молится за мир и плачет о мире, а мы, недостойные, своими грехами заставляем плакать Богоматерь.

Она на небе, прославленная Царица Небесная, но Она же и тварь, нераздельная с миром, Она живет и его жизнью и им ранится и скорбит и исцелит в полноту времен мир. Здесь тайна будущего века и спасения. Пречистая Матерь, Ты явила моему окамененному сердцу любовь Твою к миру, дай же силу явить эту любовь и людям. Пресвятая Богородице, спаси людей.

7/20.IX.1924

Когда скорби и трудности обступают тебя со всех сторон и не видит человеческий глаз твой исхода и выхода, возложи на Господа печаль твою, молись и будь беспечен и беспечален. Господь, слышащий молитву твою, снимет печаль твою, Он управит стопы твои. Если ты видишь несчастье, нависшее и неотвратимое, старайся верить, что если это от Бога, то нет несчастья, а только не знаем и не умеем мы понять совершающегося, молись тогда: да будет не моя, но Твоя воля. Но проверяй свою совесть, ищи в ней, не ты ли виновник, своими грехами, нелюбовию, немолитвою, в несчастья ближних твоих, любимых твоих... И молись, молись...

10/23.IX.1924

Под Рождество Богородицы, в поезде, я удостоен был озарения Господня. Я смотрел в окно на розовеющую пашню, алеющую листву и голубеющее небо, и душа исходила в сладостной истоме от любви к Господу и миру Его. И вдруг в душе поднялась бурная радость, которая ждет и которую я впервые познал. И эта радость — смерть. Впервые в жизни в опыте я познал, что смерть есть величайшая радость, которая *ждет* человека, ибо ждет его Богоматерь, ее любовь, ждут ангелы, ждут святые, ждут близкие и любимые, ждет... Господь. Это необъятный трепет и ужас, но это и радость, радость безмерная... Желание имый разрешитися и со Христом быти — впервые стали жизненной правдой эти слова апостола. И так есть, да, так. И вместе с этим, в то же мгновение пронеслось, что к радости этой надо отстрадать, что страх и муки смерти — это путь к радости радостей, и это надо претерпеть, и все претерпеть, все вместить.

И сразу по-иному осветилась вся стариковская жизнь; она угрюмо плетется к мрачному, неизбежному концу, все мрачнее и все скуднее, а здесь вдруг все, все изменилось: все идет к радости, великой, безмерной, все превосходящей радости.

О любовь Божия, о любовь Богоматери, все превосходящая! Как нам быть достойными своего предназначения, как вместить! Нет страха смерти (хотя, конечно, по слабости естества, и сохраняется природный страх и природная привязанность к жизни), нет уныния, есть *радость*, радость смерти. И у меня сверкнуло на сердце, что значит слово Божие: «*Сильна, как смерть, любовь*». Что значит это уподобление, свидетельствующее, что любовь есть смерть, — она в себе имеет смертное самоистощание, но и смерть есть любовь. Но в этом вдруг мне открылась истина этих слов: да, смерть есть любовь, которую уже не может вместить земное сердце, от которой оно разрывается... Но потому она есть и радость, ибо

любовь есть высшая радость, единая радость на земле. Да, сильна, как смерть, любовь, любовь есть смерть, смерть есть любовь... Нет большей силы в мире, чем смерть, ибо пред ней все склоняется, но есть ей равная и столь же всепобеждающая сила — любовь. Но смерть упразднена, любовь же всегда пребывает.

16/29.IX.1924

Святой крест есть треблаженное древо спасения, и он есть тайна личной нашей судьбы. Насколько мы взяли свой крест, настолько мы и имеем в себе силы жизни для вечности. Крест есть знамение победы, победившей мир, но он есть и орудие борьбы, и сама борьба, как борются между собою, но и связываются, оба его перекрещивающиеся направления. Если Ты Сын Божий, сойди со креста, так говорили Ему, и так же, невольно, говорит мир каждому из нас. Примирись с миром, сними эти остро, углами пересекающиеся линии, и будешь спасен. Но это обман, потому что всегда пересекаются эти линии в личной судьбе, *дан* крест каждому, можно его только взять или не взять, сделать или не сделать крестом Христовым.

О, как сжимается сердце от этой мысли, ведь и Сын Божий молил: «Да мимо идет сия чаша!», и Ему нужно было превозмочь борением смертным: «Да будет воля Твоя!» Посему не бойся сего изнеможения, человече, не смущайся крестной муки, потому что она пройдет и останется лишь знамение победы... Изнемогай, падай, но поднимайся и гряди вслед Ему до победного конца...

20.IX/3.X.1924

Если обступают тебя тучи, о человече, если людская неправда или незнание угрожают тому, что кажется тебе нужным, справедливым, добрым, — смирись, не соблазняйся об этих людях. Скажи себе: они лишь орудие в руках Божиих. Значит, не нужно того, что тебе казалось так нужно, значит, ошибается твой ум и близоруко смотрит глаз твой. Ведь ты не знаешь ни своей собственной судьбы, ни судьбы человечества. Погляди в жизни Господа: Его окружало непонимание, подозрительность и злоба, и непостижимо казалось, что Анна и Каиафа хотят стать на пути дела Божьего, дела Христова. Но они оказались орудиями лишь в совершении судеб Божиих.

Знание наше о себе слишком отрывочно, мы не знаем о себе ни прошлого, ни будущего, чтобы судить обо всем. Если только не предашь себя на волю Божию, прежде всего и всецело, от всей души своей и сердца, и не обретешь в этом предании и покоя и уравновешенности, будет тебя смущать и соблазнять противо-

действие мира сего твоим, кажется тебе, благим начинаниям. И близок будет соблазн уныния, ропота, отчаяния. Но надо верить в Бога и в Его промышление о нас, и надо свой разум, даже в самых его очевидных и бесспорных определениях, подчинять и отдавать воле Божией. А для этого надо, чтобы в сердце непрестанно теплилась, как лампада, светила, хотя и слабым, колеблющимся огнем, память о Боге и мысль о Нем, чтобы в сердце слабым ручейком сочилась молитва, ограждающая тебя от зол. Ведь в этом — и только в этом — ты свободен, этого не может отнять у тебя и помешать тебе люди, и это всегда «на потребу». Утвердись же в этой крепости души твоей. Чем больше угрозы и волнения, тем крепче молись. Молись ни о чем, из любви к Господу, дабы Он дал тебе любовь Свою, и молись о том, чего ищешь, что строить хочет душа Твоя, и *никогда* не поставляй своих желаний непогрешимыми и непреклонными. Смирись пред волей Божией.

23.IX/6.X.1924

Все, что случается с нами в жизни, все слова и встречи, — суть некие божественные зовы и вопрошания, которым надлежит внимать недремлющим ухом. Мы не можем вместить всего, не можем и многого, но то немногое, что до нас доносится, мы должны принимать сердцем. Из всего необъятного моря страданий и греха, которое всецело доступно обнять и принять только Единому Безгрешному, нашей слабости дается услышать только одну крупницу, но ее мы должны ответственно услышать.

Когда ты находишься в покое, в довольстве, мнишь себя оттого в чистоте и силе, не зная, что если от тебя отнимется это, отнимется и мнимая твоя сила, помни всегда о тех, кому это не дано не по их вине. Чем же ты лучше их или чем они хуже тебя? На это нет ответа на человеческом языке, в разных судьбах людей непостижимая для нас воля Божия, но эту волю надлежит благоговейно ощущать во всех делах и событиях, да не впадешь в уныние, недоумение, ропот.

Непостижима эта воля человеку, но нужно воспитывать в себе принятие *всякой* воли Божией. И это есть подвиг веры, кровавого пота. Сын Божий принимал человечеством Своим непостижимую волю Отца, как *внешний* для себя закон: «Не яко же Аз хощу, но яко же Ты!»¹² И Он, как человек, хотел для себя иного, чем нужно было по воле Божией. И *всегда* это так есть. И те беды, несчастья, соблазны, грехи, развращения, падения, победа зла, уничтожение добра, весь тот океан греха и злобы, который нас ужасает, существует попущением Божиим. И не нужно рассла-

бленности, которая приемлет благодарно волю Божию лишь там, где она благодатна и для человека возжеленна, нет, надо работать над собой, чтобы принимать ее там, где она сурова, непостижима, жестока, ибо что же есть более жестокое и непостижное, как послать Сына на крест, отдать Его на муку?

Не расслабляйся же, человеце, в благополучии, да не впадешь в уныние в час испытания. Памятуй, что всегда, сейчас, в эту минуту, испытываются твои братья, и будь готов отдать Богу все — свою волю, свой разум, свои желания, чтобы, вопреки всему, и пред лицом всего говорить: Твоя воля да будет. Только этого, не меньшего, требует любовь к Богу.

24.IX/7.X.1924

Господи, Ты прибежище мое, Ты укрепление мое, Ты радость моя! Какая радость любить Господа, какая радость молиться Ему, какая радость внимать Ему в сердце своем. Какая радость молиться Радостей Радости, Матери Божьей, какое блаженство взирать на Ее Пречистый образ, какое умиление призывать Ее Пречистое Имя!

О люди, люди, вы ищете земных утех и радостей, если бы ведали вы, что Бог дает нам всегда этот источник радости в молитве к Себе, а вы его не хотите пить. И поистине Дух Божий сходит на молящегося человека, сердце его расширяется, душа его выходит из берегов и рвется из тела к вечности и неизмеримости. И, пылая любовью к Богу, она любит любовью пламенеющей и близких, и дорогих, и друзей, и друга, всех тех, кого Бог дал, чтобы вкупе любить Его. Возрадуется душа моя о Господе, облек бо нас в ризу спасения¹³.

26.IX/9.X.1924

Радостей Радость, Матерь Божия! Ты и свет и отрада и утешение, Ты мира спасение, Ты твари стенающей утление, Ты Духа Святого Носительница, Ты — сам Дух Святой¹⁴, человеком явившийся, Ты Матерь Бога нашего и всего рода человеческого. Ты — Невеста невестная, Небесному Жениху уневестившаяся и всякой душе христианской приобщившаяся. Твоею Любовию ко Христу, Сыну Твоему, любит всякая душа христианская, любит матерински, как сына своего рождающегося, любит яко невеста, к жениху своему устремляющаяся. Вся слава Дщери Царевой внутрь, вся сила Твоя внутреннего человека соделывает. Ты с миром живеши, Ты мир наш, на небесах сущий. Твоею любовию от праведного гнева Божия избавляемся, Твоею милостию на Страшном суде Сына Твоего от праведного осуждения свободяемся. Ты — пресветлое солнце миру, Ты жена, облечен-

ная в солнце. О Тебе изнемогает всякое слово, любить Тебя изнемогающее. Ты в час смертный утешавши, Ты у ложа смертного предстоиши. Ты избранников Своих услаждаеши и зраком Твоим радостным увеселявши. Ты и нам, грешным, в иконах святых зрак Твой являвши и чтить Тебя пособлявши. Ты осеняешь небо и землю, Ты лес и поле, воды и сушу Собою исполнявши и землю нову уготовлявши. Ты лелееши всякое бытие, о Тебе цветы благоухают, для Тебя краски мира сего сияют, Тебя поют звуки сладости, Тебя славословят горы и земли. Царица Преплагаая, небеси и земли Госпожа Пречистая. Радостей Радость, Радость наша единственная, Радость совершенная.

27.IX/10.X.1924

О Радостей Радость, Царица Небесная! Какая радость икона Твоя! Невольно вопиет душа пред святым Твоим зраком: и откуда мне сие, да прииде, Мати Господа моего, ко мне! Да, приходит Матерь Господа и вселяется в честной иконе своей в наших домах и жилищах, и радуется нас и милует нас, о Радостей Радость, о Радостей Радость, Владычица! И поет душа: величит душа моя Господа, поет с Нею, Ее словами. Когда зришь Ее пречистый лик, душа рвется из тела от радости; она стремится лететь в небеса, в пространства необозримые. И тогда становится ясно, как и почему встречает нас Богоматерь у смертного порога. От света Ее трепещут и растекаются демоны, от света Ее тьма смертного пути становится осиянною, от света Ее самая смерть становится праздником радостным, встречей желанной, радостью радостей, потому что на пороге ее нас ждет Радостей Радость. Да, это так, если только мы сами не окружим себя темным облаком грехов, земных привязанностей и низких страстей, в которых привольно будет привитать и скрываться демонам, нас мучающим и пугающим, если только мы не ослепим свои духовные очи, чтобы не видеть этого света.

Любите, о христиане, Пречистую Деву, молитесь Ей всегда, и Она спасет вас в час смерти и приведет поклониться Богу нашему и Царю Господу Иисусу Христу. О Радостей Радость, Пречистая, Пренепророчная!

28.IX/11.X.1924

Будь готов отдать Богу, если Он требует, самое дорогое, самое любимое в жизни. Бога надо больше любить, чем человека, и нельзя удерживать для себя, против воли Божьей, нельзя даже этого хотеть. Это крест, самый тяжелый крест, который подымается человеком для Бога: кто не возненавидит мать и отца, жены и детей

Мене ради, несть Меня достоин¹⁵, и кто не хочет и не умеет отречься для Бога, не достоин Бога. Но в этом отречении обретается высшая любовь и блаженство, как неложно обетовал Учитель: кто отрекся от матери и жены и имений, и здесь, в веке сем¹⁶, среди гонений имеет больше, нежели он отрекся. Он имеет то, от чего он отрекся, в Боге и с Богом.

Бог ставит нас на пути отречения и ждет нашей воли, нашего самоотдания для того, чтобы утешить нас в скорби нашей. Господи, дай сил. Если возможно, да мимо идет чаша сия, но не яко аз, но яко Ты хочещи¹⁷.

7/20.X.1924

Предо мною билась в судорогах несчастная женщина в тяжелой болезни, потерявшая мужа и оставшаяся одинокой на чужбине, уже немолодая, отцветшая. Что реку человеческим умом и человеческой силой? Ты, Господи, Сам дай мне ум, дай слово, дай силу утешать, призывая к принятию воли Твоей. Мы созданы для вечности, мы призваны жить не здесь, и это становится очевидным тогда, когда в тот мир уходит самое дорогое, а любящий остается здесь, в этом мире. Как спасти любовь от бессилия, как спасти душу от отчаяния? Только Богом и в Боге, только молитвой. Крылья молитвы перенесут в тот мир, они дадут незримую связь с любимым, они будут все ближе и ближе переносить к нему, пока не наступит час призывный, когда погаснет свет и наших очей. Крестил, благословлял, ласкал, жалел, а сам в сердце своем призывал Господа, Который только силен помочь и утешить. Он дает, Он отнимает, Он и утешает.

11/24.X.1924

Крест Христов есть сила любви к Христу, без креста нет к Нему любви. И жертва есть сила любви, и без крестной муки нет Любви. Надо отвергнуться себя — себя умалить и презреть, себя утаить и растоптать для того, чтобы было благо другому, любимому, и тогда Господь израстит в душе белые райские цветы, анемоны страдания. Сердце истекает кровью, изнемогает, а где-то вверху звенит райская песнь, которую услышим мы за гранью времен. Люби крест свой, не стнай, не жалуйся. Но благодари Господа, если Он подаст тебе милость *вольного* креста, вольной жертвы во имя любви. Сердце твое напояется истекающей из него кровью, рана его закрывается своей собственной корой, отходит эта жизнь, а внутри таинственно зарождается новая. Господи, удостой меня креста Твоего, дай любить не для себя, но для того, для тех, кого любишь, пошли любви Твоей, любви крестной.

12/25.X.1924

Господи, мой Господи! Ты — Любовь и даешь любовь. Как возблагодарить Тебя за радость Любви, за то, что Ты даешь любить. На ложе моем трепещет и изнемогает душа моя от любви к Тебе, Богу моему и Пречистой Матери Твоей и к дивному созданию Твоему — человеку. Пред очами моими раскрывается чудо творения Твоего, как Ты владеешь чистой душой и делаешь ее перстами Твоими органом Твоим. О чудо раскрывающейся в Боге души, о чудо творчества в Боге и для Бога. И эта распалющаяся любовь не может вместиться в берега души, она ищет излиться, куда же, куда? В Тебя, океан божественной любви и милосердия. Нет слов, нет мыслей, нет чувств, но гремит и горит в душе палящая любовь Твоя. Я — уголь в Твоем пламени, и, когда горю, становлюсь воедино с любимыми со всеми, со всем созданием Твоим. Я хочу гореть, сожги меня любовью, Ты рек, благодный: кто близ Меня, тот близ огня...

14/27.X.1924

Не унывай, нет слабости и греха убийственнее. Подумай: премудрый и предивный Бог от века избрал Тебя к бытию. Он дал тебе жизнь, определил тебе судьбу от первого дня до последнего, Он избрал для тебя время, землю, народ, близких, родных, друзей. Он наделил тебя дарами, которые тебе нужны и которые ты в силах понести, и от тебя Он хочет одного: любви к Нему, доверия сыновнего к Отцу. А ты, пугаясь и отчаиваясь, не Отца, но злого мучителя видишь в небесах. Ты неблагодарен, ибо не видишь и не хочешь видеть благодати. Ты не хочешь знать, что нет блага выше жизни, дара Жизнодавца. Ты ошеломлен испытаниями, грехами, бедствиями, ты изнемогаешь от скверны и ограниченности своей, которую все по-новому узнаешь в себе. Но помысли, что Бог яснее тебя видит тебя и твою судьбу, но Он ведает не только это мгновение, перед которым ты изнемогаешь, но и века веков. Отвергни страх, исчадие диавола, ибо боящийся несовершен в любви, извергни уныние, эту смерть души ранее смерти. Кайся во грехах, но их не бойся, ибо безмерно милосердие Божие. Страшись правды Божией, но не отчаивайся, ибо на весах этой правды взвешена и вся твоя тварная слабость. Не мирись с миром и грехом его, но ведай, что он содержится рукой Божией, так же как и ты. Без этого мгновения не просуществовал бы мир, и он во всем грехе своем содержится любовью Божию, все ведающей и все прощающей. Как же ты можешь, как смеешь унывать?

15/28.X.1924

О, страшный час смерти и страшного суда Божия! Как я предстану пред лицом Твоим! Как я буду скорбеть о потерянной в лености,

в праздности, себялюбии затраченной жизни, какой сплошной ошибкой, грехом, неудачей будет она казаться! Как далеке станут все близкие и знаемые, и одна, одна совесть будет разворачивать свой нелюбимый список! Как ничтожно покажется то, что теперь кажется столь важным и нужным, как преходящи все земные волнения, а над всем и во всем будет один страшный приговор: Бог дал тебе долгую жизнь, дал силы и здоровье, дал близких и друзей; как и кому отдал ты эту жизнь, какой след останется от нее в мире? И нет ответа, кроме позднего бессильного сожаления, вечной муки несодержанного добра. Конец близится, ему смотришь в лицо иногда, но не вводишь его в свою жизнь, как постоянную проверку, постоянную *поправку* ко всему житейскому, не имеешь памяти часа смертного. А он приблизится неожиданно и совершенно *просто*, так же как просто каждое мгновение жизни. В чем застает Господь, в том Он и судит, в чем же застанет Он тебя, жалкая душа моя? Не нужно запугивание себя адскими муками — это недостойно христианской души, хотя, несомненно, будут и муки, но нужна непрестанная серьезность и правда жизни, нужна память о Боге, любящая, заботливая, сыновняя: как не оскорбить Отца? Как не потерять себя, свой вечный лик в этом потоке зла и суеты? *Никогда не забывай*: никогда не забывай то, что ты любишь, не забывай то, чему ты служишь, не забывай прежде всего Бога Твоего, которому ты работаешь. И если будешь это *помнить*, то тем самым будешь помнить и о часе смертном, потому что ничего нового в нем не откроется, кроме того, что всегда носишь в душе. Вот эта-то *обыденность* каждого дня, она и составляет содержание жизни, и надо, чтобы обыденность была ясна, серьезна, достойна, величественна.

21.X/3.XI.1924

*Не введи нас во искушение*¹⁸. Господь научил нас об этом молиться, потому что мы живем среди искушений, непрестанно подвергаемся их опасности. Бывает — и, по свидетельству мужей богомудрых, особенно часто, — что искушения поражают своей неожиданностью, приходят непосредственно после благодатных озарений и особой умягченности сердца. И вдруг в него врывается какой-то бесовский вихрь, который все сметает, и изнемогающий в искушении человек бессильно вопрошает: что со мной? И — учат отцы — если имеешь особую радость и благодать, *жди* искушения. Не дремлет враг человеческого рода, с завистью смотрит он на духовный плод, рождающийся в душе, и ищет сорвать и растоптать молодую завязь, оплевать и очернить прекрасный цвет души. И всегда он жаждет зла; но отстраняется и не допускается до человека ангелом-хранителем, но бывает, словно отстра-

няется эта охрана, и тогда горе тебе, бессильный и незащитный человек; как Иова будет он поражать проказой не только тело твое, но и душу, и ты будешь с изумлением вопиать на гноище. Отчего и почему сие? Мы не ведаем тайн промысления Божия, но можем познавать по плодам искушений их сокровенный смысл. Если надлежит быть искушениям, ибо неискушаемый неискусен, немудр, то надлежит им совершаться тогда, когда человек более подготовлен, одарен для принятия, — вот почему и дары Божии так часто предшествуют искушению. А затем искушения вразумляют и смиряют: как легко, как незаметно отдается сердце самообольщению духовному, дар Божией милости и благодати принимает за свою силу и за свое право, укрепляющую благодать обращает в услаждение, впадает в сластолюбие духовное и на дне его таящуюся гордость. Но когда зрит себя во рве греха, в блевотине искушений, он видит и чувствует и свое ничтожество, и греховность, и безмерность милости Божией, и ведущую нас десницу Божию. И тогда он с новой радостью и новой благодарностью возвращается к жизни и приемлет ее дары. Только учись, человеце, от искушений, ибо всякое искушение *повторяющееся* оставляет все новый и новый рубец на сердце, его сморщивает и сокращает...

25.X/7.XI.1924

Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас! Ведет и хранит народ свой угодник Божий, и живет в нас сила его побеждающая. Какая это сила? Обедневший боярский сын, безвестный отшельник, ничем не славный и не знаменитый. Эта сила — любовь ко Христу беззаветная, самоотвергающаяся любовь ко кресту Его, ни перед чем не останавливающаяся сила духа, к которой мы не можем даже и мыслью вознестись, как к белоснежной вершине Казбека. Все превозмогла эта любовь, не только все человеческие свойства и слабости, но, кажется, и самую природу. Кто может приблизиться мыслью к этому уединению двухлетнему в дремучем лесу, этой смерти заживо, в себе соединяющей все образы креста: и от одиночества, и от слабости, и от зверей, и от стужи, и от голода? Кто может? Но молчаливый ответ о том, что там было, был храм во имя св. Живоначальной Троицы; Преподобный Сергей ведал там, в пустыни, тайну Пресв. Троицы, Любви-Бога. И он же уведал и тайну Матери Божией, Духа Святого. Ему являлась она с обоими первоверховными апостолами, Петром и Иоанном. Господь воздвигает себе мужа в час потребный. И ныне он с нами, помогает, руководит, учит терпению и упованию, научает прозревать в пустыне грядущую лавру Живоначальной Троицы. Как дивно это таинство любви к Богу и любви в Боге, как оно всемо-

гуще! Преп. Сергий снова днесь изшел на труд спасения родины от татарского лихолетия, с нами рубит он и носит тяжелые бревна, с нами строит он храм Софии, Премудрости Божией.

26.X/8.XI.1924

Самая большая и трудная победа над собой — *простить* обиду и онеправдование, и особливо не себе самому, что еще легко, но другому, любимому и чтимому. *Блаженны кротции*¹⁹: обида свинцом лежит на сердце, она застилает очи духовные, она мешаает молитве, она воздух делает тяжелым и непрозрачным. *Претерни*, претерни, человек, час искушений, прикрой главу твою куколом и пребудь уединен в слезах и молитве в клети сердца твоего, в келии твоего духа, пока милосердный Господь не пошлет тебе блаженства кротости и радость прощения и примирения и не восставит тебя. Терпением спасайте души ваши. Господь посылает испытания терпения. Этот камень, который лежит на дороге, о который запнулись усталые ноги твои, — ты хочешь его вырыть и выбросить, а он тебе нужен, ибо слабые ноги могут ходить только по ровным путям, а тебе надлежит идти путем стропотным. Борись и молись, не давай овладеть сердцем твоим чувствам мелким, низким, недобрым. Взирай на образ Терпения и Злострадания Христа Спасителя и у Него научайся любви-терпению. Ибо воистину любовь есть терпение, и нет любви без терпения, как нет и терпения (истинного) без любви. Терпение есть испытание любви, мера терпения есть мера любви, нетерпеливый мало любит. И терпением воспитаешь и обидающего тебя, может быть, по добрым, хотя и неверным причинам, ему поможешь, его спасаешь. А нетерпением, обидой вместе с собой и его повлечешь в ров погибельный. Борись, не давай себя одолевать низким чувствам, взывай о помощи Господу твоему...

28.X/10.XI.1924

После молитв Господь чрез ангела-хранителя полагает слово Свое на сердце, и чем горячее и смиреннее была молитва, тем властнее и яснее звучит это внутреннее слово. Мы ищем чудес и знамений и не видим того ежечасного чуда, которое непрестанно совершается в сокровенности сердца. И этот голос ангела-хранителя, если ему внимаем достойно, дает ответ и на наши трудности и вопрошания и предвзвешивает относительно тех искушений и задач, которые ждут нас в течение предстоящего дня. И ныне опять говорит мне Господь: блаженны кротции, ибо они наследят землю. О святая госпожа кротость, мудрость мудростей и победа побед! Как ты далека греховному сердцу и как нуждается оно в твоём

упокоении. Поистине нет упокоения без кротости, при ней же нет обид, нет ожесточения, нет мстительности. Кротость все побеждает и наследует землю. Господь, кроткий и смиренный сердцем, стоял среди своих мучителей, дышавших сатанинской злобой, и ни в чем не была побеждена Его кротость, ни одно некроткое слово не изошло из Пречистых уст Его. И в этом и заключается Его победа над Его врагами, и в этом оказался побежден князь мира сего, который приступил к Нему с новыми искушениями и, не обольтив Его своими призрачными дарами, попытался победить испытаниями. Посему и кроткие наследуют землю, им принадлежит она, эта земля, их силе, их смиренномудрию сынов Божиих, возложивших на себя иго благое Сына Божия. Но как трудно дается этот дар жестокому и греховному сердцу. Можно овладеть поступком и словом, а сердце некротко, сердце ярится и гневается. В сердце нашем греховном гнездится змий себялюбия и гордости, себявидения, собоюлюбования. Но не давай этому сердцу воли, отсекай его приражения, нуди его беспощадно, и Господь милосердый, видя труд твой и слезы твои, даст тебе благодать кротости Своей. Проси у Бога кротости.

29.X/11.XI.1924

Мы молимся и взываем к ангелу-хранителю. Он — друг наш, данный нам Богом, но как бледно и слабо чувствует сердце наше этого друга, как мало благодарит и мало любит! Если бы отверсты были очи наши, мы непрестанно видели бы его, «хранителя душ и телес наших». Мы уразумевали бы, как в тех случаях, когда мы неожиданно, каким-то стечением обстоятельств, спасались от лютых бед и напастей, то спасал он нас, светлый хранитель наш. И когда на сердце приходило доброе слово и добрая мысль, это он, друг наш, вселял в нас эту мысль. Наша вся жизнь представилась бы нам не так — одиноко и угрюмо, — как мы ее видим, но как жизнь вдвоем, с любящим, заботливым другом. Да, ангел-хранитель приставлен к нам Богом, но он не приставник, а друг, он *любит* нас, мы любимы им. Вот почему, по верованию благочестивому Церкви, ангел «плачет», когда мы грешим или гибнем, и он борется за нас и вместе с нами против искушающих нас духов, но только в мире духовном. Мысль об этом дивном друге возьми из наших человеческих чувств и отношений: почему мы самого любимого, самого верного друга, жену, брата, сестру невольно называем своим ангелом-хранителем, чтобы выразить свою любовь к ним и их любовь к нам? Это потому, что здесь просвечивает, прорывается эта небесная любовь, небесная дружба. Она открывается нам в час смерти и за ее порогом. Это будет одна

из тех неожиданных и великих радостей духовных, которые ждут нас за порогом этого мира, но это же будет и источником новых и невыносимых скорбей и позднего раскаяния, если мы увидим в скорби уходящего от нас друга... Как нам открыть сердце свое ангелу-хранителю, как приблизиться к нему? Молитвой к нему, мыслью о нем, стремлением к нему, особым внутренним вниманием к тому едва слышному шепоту, который раздается в нашем сердце во время молитвы и после нее, в часы благих ее осенений. Ведь он — наш «добрый наставник», он ведет нас зряче, а мы идем слепо, ибо не знаем окружающего нас мира духовных существ, ибо не знаем начала и конца пути. Будь же внимателен, внемли сокровенному шепоту души твоей, то — голос ангела-хранителя твоего.

1/14.XI.1924

Друг друга тяготы носите. Как часто бывает, что, видя заблуждение или слабость брата своего, высокомеришься пред ним, его осуждаешь, но скорбишь в сердце о его неразумии. А между тем, если ты действительно видишь, то ты должен принять это и на свою совесть. Виденная неправда ближнего твоего есть и твоя собственная неправда, если ты не озабочен в сердце своем ее побороть, и она спросится с тебя на Страшном суде, как твоя собственная неправда. Надо иметь сердце милующее, надо болеть, а не осуждать. Отчего у нас так бессильны все попытки братотворения? Отчего посрамляем мы святое православие раздорами? Оттого, что не имеем сердца милующего. Не будь холоден к лжи и заблуждению, будь горяч и мужествен в истине, но умей любить человека, его объятую. Как же — надо любить и злодеев, терзающих родину? Не надо любить их злодейства, но надо жалеть злодеев. Предай их суду Божию, но храни сердце свое от ненависти, ибо чрез ненависть побеждает нас враг наш. Или ты думаешь, что Бог не может послать легионы ангелов против них и уничтожить их? Но если долготерпит Господь, долготерпи и ты. Не значит это, что не нужно бороться со злом всеми доступными тебе способами, но надо бороться с ним прежде всего в своем собственном сердце. Господь долготерпелив, будьте и вы, как Отец Небесный.

2/15.XI.1924

Доколе, Господи, доколе гневаешься на землю русскую? Почто оставил ее на поругание и развращение? Почто терпиши сатанинскую власть безбожников? Ты знаешь немощь естества, Ты знаешь, что силы терпения человеческого ограничены. Зачем же даешь искушаться сверх меры возможности, зачем допускаешь до неизбежного падения? Весь народ, все дети его лишены веры,

их души растлеваются с нежного возраста, они становятся зверенышами. Но разве они виновны? Это — смерть, смерть при жизни, которая в тысячу раз хуже настоящей смерти. Ведь Ты всемогущ, по мановению воли Твоей сокрушаются нечестивцы, но Ты терпишь их. Навуходоносор был жезл железный, который сокрушил жестоковыйный народ, и мы, отцы, приняли этот жезл железный, но это царство смерти, в которое, однако, рождаются дети, Тобой посылаемые... в ад земной. О, Господи, Господи, прости мне вопли сердца моего. Я знаю, чего Ты *от меня* хочешь: Ты хочешь искреннего покаяния, настоящих слез и горя о родине, которую мы преступно забываем. Ты хочешь настоящей слезной молитвы о спасении России, и молитва всегда бывает услышана, а пока не дали мы этой молитвы, суетны, неискренни, холодны и наши вопрошания. Ты благ и всемогущ, твори волю Твою.

4/17.XI.1924

О *свышнем мире*²⁰... Господи, пошли нам свышний мир Твой. Нет нам ничего выше и нужнее свышнего мира, но как трудно он обретается. Стяжи мирный дух, и тысячи около тебя спасутся, говорил преп. Серафим, но стяжается он только подвигом всей жизни. Вечно мятется душа наша, обступают ее тревоги, вопрошания, заботы. Вечно душа ослеплена каким-нибудь переживанием, пленена им, несвободна, а душа должна быть свободна, как птица, она должна принадлежать только Богу, и никому на земле: все ей должно принадлежать, все она должна любить, но сама она обращена только к Богу. И от Него и из Него свышний мир. Это не бесчувствие к миру и людям, это не холодность, это какое-то равновесие, мера духа во всем, даже и в самой любви, это свобода от всяких *idee-fixe*'ов, которыми мы всегда одержимы. И когда бывает эта свобода, когда душа ничем не затемненно обращается к Богу, в ней и тишина, и мир, и свет. Но когда ею владеет какая-либо частная сила — мысль, чувство, даже любовь к человеку, душа пленяется и мятется, теряет себя, а вместе теряет и того, кого она любит. Ибо безгреховно дано любить и человека только в Боге и с Богом, чтобы ничто тварное не заслоняло от нас Божества. И если нет мира в душе твоей, значит, не все у тебя на месте: проверь себя, проверь свои отношения к людям, и найдешь, что тобою владеет или страсть, или мелкое чувство, но *владеет* душой твоей, которой владеть должен Господь, которая Ему только должна принадлежать. И когда человек немирен, в нем все неверно, все ненормально, все страстно. Тогда ни люди, ни он сам не могут верить ни одному его свидетельству или совету. И если немирен дух твой, собери все силы души своей и поставь себя как бы на суд пред всемогущим

и всеведущим Богом. Воззри сам на себя оком вечности, постарайся сам себя увидеть не из себя, себя познать не в пристрастии. И поможет тебе Господь и пошлет тебе свышний мир Свой, которого жаждет душа твоя. Господи, пошли мир Твой!

8/21.XI.1924

День арх. Михаила и прочих сил бесплотных. Св. ангелы бдят над человеческим родом, они борются за него, война идет не только на земле, но и на небе. А мы малодушествуем, унываем, недоумеваем, приходим в отчаяние от своего бессилия, когда мы имеем небесную помощь. Ангел являлся Сыну Человеческому отирать капли кровавого пота в Гефсимании, и ныне страждущему человечеству отираются незримо его кровавые капли. Родина изнемогает, она умирает духовно, она смердит, как четверодневный Лазарь в гробе своем. Но неужели ты думаешь, что у Бога не найдется легиона ангелов сокрушить нечестивцев? и даже по естественному рассуждению не может наступить такое стечение обстоятельств, при котором рухнет власть безбожная? И однако, вопреки всему, власть эта держится и как будто укрепляется, так что дивятся народы: кто подобен зверю сему? Значит, есть на это попущение Божие, значит это орудие гнева Божия и средство в путях Божьих. Если страшно, чудовищно, непонятно, то подумай, разве более понятно, что Господа на земле окружали бесноватые, в которых жили и которых сотрясали бесы; и некоторых Он исцелял, однако нигде не сказано, что всех. И разве более понятна бесноватость одного человека, чем бесноватость целого народа? Но когда малодуствуешь, — и неизбежно всякому малодушествовать по греховной человеческой слабости нашей, — помни, что есть воинства небесные, нам помогающие, что у Господа сил есть силы, и смущающее нас зло попускается в неведомых нам целях. Проси у Бога веры и терпения. Проси у Бога ангела-хранителя душ и телес наших. Знай, что без его помощи и без его охраны мы были бы в клочки растерзаны демонами телом и душой, — безумие бесноватых и советскаяё власть только частичные примеры того, что хотят сделать с нами демоны из ненависти к Богу, из ненависти к Божьему творению, из ненависти к человеку. Пред нами бы раскрылся мир темных сил, который мы по легкомыслию иногда домогаемся видеть, на нас напали бы всевозможные болезни, мы не прожили бы ни одного часа, если бы не имели ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес. Ведь говорит апостол, что диавол, как зверь рыкающий, ищет, кого поглотить. И разве своими силами можем мы устоять пред ним, если бы не непрестанная охрана ангела-хранителя.

11/24.XI.1924

При получении вестей о бедах и обстоятельствах близких твоих думай, как взыскан ты Богом и как недостоин милостей Его. Как мало любит твое сердце и как малозаботливо оно о близких. А ведь одно мгновение — и твоя судьба окажется не лучше их, и ты только непонятной милостью Провидения спасен от бед. Будь с ними, не закрывай своего сердца для непрестанной памяти, и тогда неизбежно протянется рука твоя с помощью. Пред лицом этих избранников, которые распинаются ныне на русском кресте, как смущается душа твоя, что ты не с ними. Но не должно быть места и смущению, если такова воля Божия. Нам не дано избирать себе жребия и с благодарностью надлежит принимать всякий. Только помнить, только помнить, что они страждут, когда ты благоденствуешь, и делать для них все, что в силах. И остальное вверить Господу. Неужели ты думаешь, что Господь не властен истребить безбожную власть в один день или спасти рабов Своих, взывающих к нему день и ночь? Но как в Гефсиманию не послано было легионов ангелов, чтобы защитить Сына Человеческого, и Он остался беззащитным на мучения, так и ныне долготерпит Господь — из любви к миру и человечеству. Но не ведаем путей Божиих и не ведаем и путей этой любви. Разве ведали разбежавшиеся и отчаявшиеся ученики, что пред ними происходит спасение мира? И ныне хотя и непостижим для нас смысл русского разорения, но верим, что любовь Божия попускает это для нашего общего спасения. Лишь бы не оледенело сердце твое, лишь бы не уснул ты перед пришествием жениха. Бдите и молитесь, да не впадете в искушение. И помни, помни о страждущих за тебя, молись о них непрестанно, пекись о них, как можешь.

12/25.XI.1924

Из глубины воззвах к тебе, Господи!²¹ Как налетает искушение! словно вихрь при ясной погоде, в мире и ясности сердца вдруг лукавый дух поднимает бурю искушения, и все теряет вкус, кажется омертвевшим и устрашающим! Словно демон наставил свои мрачные стекла, и омрачился мир, словно перед грозой. Отрей эту бурю и эту мрачность — смирением, терпением, молитвой и слезами. Претерпи любовь, прощением, состраданием. Не отдавайся одолеваяющим тебя горестным предчувствиям, ибо все творится по воле Божией и у тебя должно быть одно только предчувствие — воли Божией, совершающейся о тебе и близких. Помни недавние часы света, и радости, которые послал тебе Господь, и о всем и за все благодари.

16/29.XI.1924

*Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь прибежище и утверждение мое!*²² Какая сила и какая крепость в этих словах, в этих мыслях и чувствах, если только краем сердца коснуться и принять в него эту силу. И крепость в гнетущей слабости, в изнемогающем бессилии моем, и прибежище в безысходности и в вечных шатаниях души моей, и утверждение в колеблемости моей. Господь — близ. Он в устах твоих, произносящих со страхом и благоговением Имя Божие. Ты сам — храм Божий, твое сердце — престол Его, грудь твоя — алтарь Его, на котором литургисал мученик Лукиан. Так все близко, внутрь, = встань, протяни руки свои, обрати лицо твое. Но всегда гнетет чувство тяжести, бессилия, удаления от Бога. Кажется тогда, что не ты далек от Бога, но Бог далек от мира, и неверие нечувствительно закрадывается в душу, наполняет ее своим холодом, каким-то ледяным одиночеством. Холод и лед сердца вдали от Солнца. Обратись же к Нему, держись края ризы Его рукой твоей, изнемогай, но желай Его любить больше себя, больше жизни своей, больше самого дорогого тебе, все, все будь готов отдать ради любви к Богу. И в сердце твоём загорится ответный огонь, растает лед, глаза увлажнятся слезой, сердце загорится и затрепещет, оно почувствует небесную близость. И вновь обретешь ты дорогих и любимых, и мир загорится в красе своей, и мрак души твоей сменится светом радости, и вся душа твоя в блаженном изнеможении двинется в руки Господа. О Сладчайший Иисусе, Женише души моей, радость вечная, гряди в чертог души моей, будь со мною, вечеряй у меня, не оставь меня. Тебя зову, Тебя люблю, Тебе молюсь, Иисусе, мой Господи!

16/29.XI.1924

Господи, огради нас от сряща и беса полуденного²³. Как страшен недуг безумия и как непонятен нашему уму, как недоступна нашему взору та дверь, через которую входят в душу злые духи и овладевают ею, мучают ее, искажают, и она как бы умирает до смерти, а ее силами владеет демон. Как разделяется в себе душа единая, нераздельная и вечная? Как образ Божий становится седалищем сил сатанинских? И это не по достоинству, и не по недостоинству, но по причинам для нас сокровенным: кто согрешил, он или родители его? И каждый спрашивает: не я ли, Господи?²⁴ И пугливо жметесь в сторону, боясь, что нелюбезный голос ответит: да, ты! Вот и я, иерей недостойный, вопрошаю днесь моего Господа: не я ли, многогрешный, явился, волей или неволей, причиной того, что страдает в России дочь моя духовная, как свеча горевшая пред Господом и утешавшая меня самым бытием своим? И ныне подвижница эта омрачена душою? В сих случаях неведение это

не надо пытаться понять напряжением горделивого ума, ибо бес-силен ум. Сердцем сокрушенным и смиренным, терпением и молитвою надо приникать к судьбам Божиим, не откроет ли Господь воли Своей? И молиться, молиться с верою... Господи, Ты изгонял бесов и исцелял страждущих, когда жил с ними на земле, помилуй и ныне рабу Твою страждущую. Ты все можешь, если хочешь, и посему да будет воля Твоя! И дай мне, грешному, преискреннее покаяние и молитву о ней. Пусть каждый из нас не превозносится, но знает, что всегда он может стать жертвою насилия демонского, и только ангел-хранитель своим щитом ограждает от сего.

22.XI/5.XII.1924

Вхождение во храм пресвятой Девы было Ее посвящением, высшим посвящением, какое есть для человека, ибо первосвященник ввел Ее туда, куда он мог входить только сам, во Святая Святых. Пресвятая Дева приняла сим власть и честь, свойственную первосвященству ветхозаветному, а за сим, в небесной славе Своей, и первосвященство новозаветное, хотя и в ином, неустановительном смысле, как Сын Ее — Архиерей вовек по чину Мельхиседекову²⁵. Но и Она носит омофор, которым осеняет народ Свой, согласно видению блаж. Андрея о Покрове Божией Матери. Но для Нее, тогда уже трехлетней юницы, это посвящение было, как оно всегда бывает и должно быть, смертью души, самозакланием Богу. Она уже отдалена от семьи, оторвана от родительских объятий, и Ее восхождение по ступеням храма Иерусалимского вело непосредственно и непрерывно чрез все скорби и подвиги к Голгофе, к стоянию у креста, к мечу в сердце, к жизни, состоящей из непрестанного ряда жертв. И всех, идущих Ее путем, зовет Она к этому посвящению. Жизнь наша есть и должна быть непрестанное посвящение, в котором торжественные акты посвящения знаменуют лишь определенные его грани. Жизнь должна быть непрестанным умиранием и отмиранием для Господа. Мы замечаем, что у нас теряется вкус и любовь к тем или другим благам мира, и с другой стороны, мы хотим его терять ради Господа. И мы замечаем, что и жизнь наша представляет, вернее должна представлять, ряд мелких или крупных жертв для Господа, и только в этом ее смысл и оправдание, и источник мира душевного. Сожалеть ли о тех, кому Господь посылает жизнь подвигов, скорбей и испытаний, как сожалеем мы их человеческим чувством, особенно сравнивая их дело с нашим сравнительным благополучием? Или же, напротив, они — избранники Божии, и кого Бог любит, тому посылает этот путь крестный? Мы скорбим и не можем не скорбеть о мучениках в России, но не они ли избраны Господом и приближены к Нему? И не говорил ли в нашем сердце

скорее испуг, что потревожен будет наш покой, нежели искренняя ревность о Господе? Надо возгревать в сердце своем волю к высшему посвящению, готовность к жертве, умиранию для Господа, а это не будет, пока сердце наше вяло, робко и холодно. Кто близ Меня, тот близ огня, и совершенная любовь изгоняет страх...

25.XI/8.XII.1924

Когда предстоит перемена места, путешествие, душа испытывает какое-то особенное волнение и словно что предвкушает или вспоминает. Каждый переезд есть символ нашего странничества в этом мире и напоминает о том последнем совлечении, последнем путешествии, которое нам всем предстоит. И душа исполняется неизъяснимого волнения, тревожного, вместе и сладостного. Господь говорит о Себе: Я — Путь²⁶. Это значит, конечно, путь жизни, но путь. Он Сам есть Путь. В Нем и с Ним нет неподвижности, но вечное восхождение, совлечение и облечение. Вочеловечившись, Он Сам прошел путь и тем стал Путем, прошел чрез врата рождения и врата смерти. Там, за вратами смерти, прекращается для нашего теперешнего взора путь, но это только для нашего взора, ибо и там жизнь, там восхождение от славы в славу, и там путь — к вечной жизни. Только Господь есть Путь, но не имеет пути, ибо вечен. Но в человечестве Своем, нераздельно и неслиянно соединившимся с Его Божеством, Он возвел его к вечному пути — бесконечного восхождения и погружения в океан вечной жизни. Нет застоя, нет неподвижности в тварной жизни, к вечности — бесконечный путь. И этот путь есть радость и блаженство и утешение, это есть сила будущего века. А в сем веке это есть подвиг и сила подвига. Апостольство не имеет пребывающего места, апостол в жизни должен переходить из града в град, а это есть служение, самое близкое ко Христу. И Сам Господь всю жизнь переходил из града в град, не имея не только дома, но и лисей «язвины». А нашей слабости так трудно и болезненно отрываться от места, так легко и охотно мы к нему прирастаем и обмещаниваемся. И не есть ли особая милость Божия — дать нам чувство Божией земли и Божьего мира — оторвав нас от нашей скорлупы, от насиженных мест и бросив в рассеяние. Дорога и прекрасна земля обетованная — родина, но и весь мир есть Божия земля, родина сынов Божиих. Не прирастай к месту, всякого места для тебя мало, всякое место твое, в тебе сила пути, Господь твой — Путь и Истина и Жизнь...

26.XI/9.XII.1924

*И власы ваши на главе изочтены суть*²⁷. Верь этому крепко и неизменно, верь не только о себе, но и близких любимых твоих,

тех, жизнь которых и благо тебе дороже (или кажутся дороже) своей собственной. Оставляя их, разлучаясь с ними, вверяй их и себя Господу, Который держит в руке Своей все творение, Которым живем и движемся и есьмы. Какая твердость и какая радость в мысли, что каждый день жизни, каждую ее улыбку и каждую ее слезу посылает Он и Он Сам блюдет и хранит Свое творение. Ты любишь своих дорогих, ты шитом своей любви и молитвы хочешь их защитить и оградить, твоя любовь бдит над ними, но подумай, что раньше тебя и больше тебя, мудрее тебя бдит и хранит их любовь Божия. И если ты любишь Бога, если своих дорогих любишь с Богом и в Боге, ты знаешь это сердцем. Каждое твое дыхание исполнено радости о Боге, и то, что должно щемить человеческое сердце грустью и тревогой, становится лишь новым праздником любви Божией. Тягостна, мучительна разлука с любимыми, но в Боге нет и разлуки. В Боге все вечно есть, и любовь вечна, неотъемлема и неразлучна, и краткие мгновения страданий любви тонут в океане, в веках веков торжествующей любви. Когда Господь прощался с учениками на Тайной вечере, Он говорил им непонятные слова о том, что Он скоро уходит от них, и скоро придет к ним. И не ведали, что слова эти о всякой земной разлуке в Боге. Если есть веяние Утешителя, Духа Божия, Он утешает и уверяет, что всякая человеческая разлука тонет в вечности любви и всякая тучка на сердце человеческом тает и рассеивается в огне ее. Кто отлучит нас от любви Божией²⁸!!! Отчего же мы о Нем забыли, так не верим Ему, что со смущением и спешно произносим евангельские слова с обетованиями Спасителя? Потеряли ли они силу свою, силу Христову? Нам не нужно держаться за букву и форму, именно за те чудеса и знамения, которые даны апостолам, — Бог даст тот дар, который нужен, но нам надо научиться всегда и беззаветно верить в силу Христову и в силу молитвы Ему. Каждый христианин в смирении должен остерегаться знамений, но в дерзновении молитвенном и он — чудотворец силою Христовой, и он низводит силы своею молитвою. К этому призывает Господь, этого хочет Он от верующих. Часто молитва наша робка и маловерна, уже заранее в сердце звучит неверие, когда уста произносят молитву, неверие или в себя, или в Самого Господа, что обычно слито вместе. Но есть мера молитвы и сила молитвенного подвига, который иначе и не может совершаться как в дерзновении, в знании силы своей. Но он требует от нас великого напряжения, трудов и потов, которых мы не даем. Итак, не Господь отступил от нас, но молитвенная леность наша нас от Него отдалила. Самый трудный путь и трудный труд есть молитвенное делание. Господи, заложь в нас молитву, дай дар молитвенный, дай волю и труд.

16/29.VI.1925

Наипаче всего научайся смирению. Трудная эта наука, и многие она имеет ступени. Самая первая ступень — это когда открываются глаза на себя и отпадает то самообольщение, в которое неприметно с раннего детства погружается человек, себя воображая. Каждому человеку Бог дает образ, в котором он может себя вообразить подвигом жизни. Но греховное наше воображение вселяет в нас, что этот образ уже сияет в нас, а кроме того, что мы единственно его имеем, а прочие люди его лишены. Это убеждение в своей единственности очень тонко и неприметно вселяется в сердце и царит в нем, <...> его сжимает, и много нужно пережить на пути смирения и покаяния, чтобы на самом деле всем сердцем принять, что ты — не единственный или же единственный лишь в грехах своих. Каждого человека смиряет милосердный Господь, посылая уроки жизни, обстоятельства, опытно раскрывающие перед ним его немощь. Для людей одаренных и сильных, «богатых», смириться труднее, потому что они дольше остаются в сознании своей силы, однако каждого человека ждет неизбежно на пути жизни его такое прозрение. Но оно еще не есть смирение, вернее только отрицательное к нему условие, требующее положительных. При отсутствии же их это разочарование в себе отравляет душу злым унынием, завистью, в человеке развивается подполье. Нужно преодолевать его покорительной силой смирения, которое состоит в ведении своей немощи и в *приятии* ее как заслуженной кары за грехи и как воли Божией о себе. Нужно немощь свою перестать чувствовать как немощь, что-то недолжное для тебя, но как твое собственное состояние — иным ты и не можешь быть и не должен стремиться, не должен о себе и себя воображать. Все человеческое ничтожно перед благодатью Божией и все человеческое не равноценно. Поэтому и немощь несущественна для вечного спасения. Человек может мешать грехами своими, гордостью своею вселению благодати Божией, но он ничего к ней не может прибавить. Всяк возносясь себя умален будет, а смиряясь себя вознесется²⁹. Нужно уйти от самой этой постановки вопроса о своих человеческих правах и свойствах, смотреть вверх, а не вниз, и этот уход — в смирение — даст истинную свободу, детскую легкость, мир и радость. Нет мира и радости без искреннего и глубокого смирения, нет без него нелюбви. Стяжание смирения есть самое важное дело для человека, без которого он и не может вступить на путь духовного делания. Посему надо быть всегда внимательным к тому, чтобы видеть доброе в человеках, и, видя себя неимущим, укорять себя и почитать недостойным того, что по милости Божией живешь.

*Париж**16/29.VII.1925 (в день исполнившегося 54-летия)*

Господи, благодарю Тебя за все: за жизнь, за судьбу, за родителей, за семью, за друзей, за встречи, знакомства, счастье и несчастье, радости и испытания. Как объять все чудеса Твои и милости Твои? Они неисчислимы. Но более всего благодарю Тебя за то, что Ты дал мне любить и знать ответную любовь. Нет большей радости и большего блаженства. И благодарю Господа, что Он во всей моей лености и греховности дал мне достигнуть служения алтарю, ибо нет блаженнее этой судьбы на земле. Господь каждому человеку при его рождении определяет срок его жизни, одних призывает в младенчестве, других в юности, а иным дает долгую жизнь, по Его неисповедимому совету. Каждый год, новый поворот жизни мы должны рассматривать как путь к земному пределу, но вместе и принимать новые задачи, в ней открывающиеся. Нельзя смотреть на оставшуюся жизнь как «прочее время живота», которое надо кой-как дожить, но надо дожить достойно, в мире и покаянии. И надвигающаяся или уже надвинувшаяся старость таит в себе свои драгоценные возможности, она есть или может быть увенчанием жизни. Тот, кто достиг старости, освобожден ею от страстей плоти, он, оставаясь в теле, чужд его страстей; он опытом долгой жизни постиг то, что необходимо было ему в юности, и близость к Богу, которая дается стоянием у земного порога, дает особую свежесть его духу. Старость в Боге есть самое драгоценное достояние человечества, духовный его отстой, чистая влага. Но старость является увенчанием *всей* жизни: какова жизнь, такова и старость, нужно заслужить старость. Люди боятся старости, не хотят ее, но нужно любить старость, хотеть ее, как свободы в Боге. Обновится, яко орля, юность³⁰ моя, и старость есть эта обновляющаяся в Боге вечная юность духа...

27.IX/10.X.1925

Есть страх Божий и есть тот страх, который изгоняет любовь. И этот (последний) страх объемлет греховное сердце человеческое, когда размышляешь о жизни своей и о Страшном суде Божиим. Все страшнее он становится, когда все яснее видишь свою безобразность перед ним, когда вся жизнь видится как ряд ошибок, праздности, сластолюбия. Страшно видеть себя, и *этот* страх изгоняет любовь, потому что любовь дает веру и питает надежду. Неизмерима, неизмерима любовь Божия, не по заслугам Он спасает человека, но по милости, вот что нужно непрестанно обрести в сердце, да не погибнет оно от уныния. Прошлого — увы — не изменить, его можно только оплакивать, оно немым укором

стоит перед нашей совестью и судит нас ранее Страшного суда. Но не нужно ужасаться, ибо это есть — бесовское запугивание. Нужно иметь омерзение к греху, но не к грешнику, в которого Господь вложил, хотя и поруганный им, образ. И к себе не нужно иметь омерзения, как и к другим, ибо это такой же грех, как и по отношению к ближнему, ибо сам человек есть себе ближний, ибо в нем живет всех любящий Господь Иисус Христос. Когда жизнь впереди, юность самоуверенна, когда вся жизнь позади — а она всегда неудавшаяся, — старость унывает; а надо всегда быть с Господом и предавать себя Господу: Отче мой! зрю всегда, знаю, как застарели недуги и грехи мои, ведут они мою слабую волю, и не надеюсь уже исправиться и пойти с Тобюю. Но сего одного хочу, одного хочу, об одном молюсь: дай мне любить Тебя больше жизни, больше себя, больше всего в мире, Ты знаешь, как искрення эта молитва, и Ты слышишь ее, Ты прощаешь заблудшее создание Твое...

20.XII/2.I.1924–1925

Господи, мой Господи! Как я возблагодарю Тебя! На путях моих видел я руку Твою, ведал я милость Твою, в изумлении зрел Тебя. Господи, мой Господи! Как я возблагодарю Тебя. Ты миловал и сохранял меня, Ты давал мне мысль и смелость, Ты приводил меня к людям Твоим, творящим волю Твою. Господи, мой Господи! Как возблагодарю Тебя! Во всех путях моих Ты соблюдал мне близких моих, Ты дал мне радость соединиться с ними, Ты сохраняешь их. Сохрани же душу мою к Тебе, Господи, мой Господи, дай ей силу огненную любви Твоей, дай ей усилие в молитве к славе Твоей, дай ей услаждение сладчайшим Именем Твоим, дай ей слезы любви Твоей, дай ей забвение о всем мире сем, ради любви Твоей, дай ей свободу от страха и тревоги мира сего. Дай ей зреть выну лице Твое, дай ей лобызать воскрилия риз Твоих³¹, дай ей предстоять у престола Твоего, дай ей слышать вой небесные и их славословие Тебе, дай ей соединиться с хором святых Твоих, выну славящих Тебя, дай ей умереть в любви Твоей, дай ей погубить себя, и потеряться навеки в океане величества Твоего, дай ей зрети славу Твою, дай ей веди величество Твое, дай ей носиться на руку Твоею, дай ей лобызати нози Сына Твоего и обливати слезами окаянства своего и отирати власы своими³², дай ей Дух Святого Утешителя, вся исполняющего, вся светлящего, вся увеселяющего, вся воспламеняющего, вся радующего, дай мне зрети и лобызати нози Пречистыя Богородицы Приснодевы Марии, Радостей Радости. Спаси, сохрани, помилуй всех братий моих и приведи их к вере и славе Твоей. Слава, слава, слава в вышних Богу...

21.XII.1924/3.I.1925

«Если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Мф 24: 22). Господь Сам свидетельствует, что, может быть, и будет такая скорбь, такое искушение, пред которым все окажутся бессильными и — падут... Как в ночь Тайной вечери, когда возгласил Господь: один из вас предаст Меня, — все стали спрашивать: не я ли, Господи? даже самоуверенная горячность Петра здесь его оставила, и каждый за себя трепетал; как в ночь Гефсиманскую все оставили Его, один предал, один отрекся; так и в дни скорби сей нет сил человеческих, чтобы *выдержать* все испытание. Такова человеческая *немошь*, и познание своей немощи и всечеловеческой немощи дается в этом страшном горниле испытаний, попущенных Богом. Мир ввергается сатане, и сатана побеждает человеческую немошь. И тогда невольно встает в душе страшный искусительный вопрос: не правы ли те, которые глумятся над верой, которые отрицают духовную жизнь и признают только животную? Не вправе ли они не верить в веру, которая не выдерживает испытания, которая в себе или свыше не содержит силы противостоять всему? Не правы ли те, которые говорят, что вера — это только приправа довольной и сытой жизни, а если она отнимается, то и вера гаснет? Таковы искушения, с которыми диавол приходит к людям в эту Гефсиманскую ночь ужаса и горя. Тот, кто прошел через это горнило искушений, он знает, что это искушение *непосильно* ни для него, ни для кого другого. Для него навсегда сгорела человеческая самоуверенность и гордость, он видит насквозь ограниченность и ослепление тех, кто, этого не испытав, мнит о себе другое. Для него наступает и разочарование и какая-то печальная его мудрость. Он узнает, что вера есть дар Божий, но и возможность веры есть также милость Божия, и она может быть отнята, и ее отсутствия не выдержит «никакая плоть». Можно выдержать, не дрогнув, мученичество, пост, пустыничество, но не это бесконечное и безбрежное, изо дня в день растянувшееся надругательство над всем святым... Душа застывает и изнемогает. Это — *последнее* испытание. Оно учит или отчаянию, или последнему смирению. Человек действительно в плену греха, действительно он немощен. И никто не должен судить другого, весь суд — Господу Богу. В самом деле, чем лучше наши прежние дети, получившие воспитание от церкви, теперешних детей русских, воспитывающихся как исчадия ада? Разве есть чья-либо личная вина — а если есть, то общая всех, и предков и потомков — в этом осатанении, опустившемся на страну, как черная туча? Господь нелицеприятен. Он будет судить вместе всех, пред Его глазами окажутся оправданными ныне беснующиеся и осужденными их благочестивые предки. О глубина

богатства, премудрости и разума Божия. Но поистине мы имеем от себя только немощь и все, все от Господа.

22.XII.1924/5.I.1925

Когда Господь сказал: «Один из вас предаст Меня», — то ученики в смущении вопрошали друг друга: «Не я ли, Господи?»³³ Они испугались — и они не были уверены — каждый за себя, — что не способны на это падение, и даже Петр в эту минуту забыл свою самоуверенность и пылкость и не стал делать своих заверений. А в эту страшную ночь разбежались все — страх объёма неодолимый. Вся любовь к Нему, все чудеса и знамения, которые видели, все силы, которые творили, — всего этого оказалось недостаточно, чтобы победить человеческую немощь, если только ее не укрепляет сила Божия. А здесь, в эту Гефсиманскую ночь, они были оставлены на свою человеческую силу. Надо знать эту человеческую немощь, чтобы не соблазняться ею и в эту Гефсиманскую ночь, которая ныне опустилась над нашей родиной. Одинаково нет основания ни для разочарования в людях, ни для отчаяния в вере. Только опытно мы познали теперь, что все, что в нас самих казалось нам нашей добродетелью, вообще *нашим*, и даже самая вера в Бога, даже самая любовь к Нему, — все это *милость* Божия. *Смирению* — глубокому и окончательному смирению, но не разочарованию — учит нас современный опыт. Прошедшие его, мы смотрим другими уже глазами на человеческое величие, гордость и силы, как возвратившийся из страны мертвых смотрит на земную жизнь и ее упование. Он видит всех с печатью смерти на лице, он видит их в потустороннем освещении, так же и здесь мы озираем эту жизнь, зная наперед, что случилось бы с нею, если бы она была ввергнута в горнило испытаний. Почему и зачем были ввергнуты апостолы в это искушение, от которого остерегал, зовя к молитве, Господь (молитесь, да не ввидите во искушение)³⁴? Господь хотел явить *немощь* даже тех, кого Он избрал для Своего дела от всех людей, кто благодатию Божию обрел в себе силы служить Ему. Здесь обличается всякая люциферическая гордость в человеке. *Нет и не может быть* человека, который бы был непобедим для искушений и испытаний, для силы греха, и святость есть особый удел и милость Божия, она от Бога. Какая это тайна судьбы человеческой! Господь всех заключил в непослушание, чтобы всех помиловать! О глубина и богатство премудрости и разума Божия, яко не исследованы пути Его!

28.XII.1924/10.I.1925

Поклоняемся Рождеству Твоему, Христе! Как тихо и несомненно среди шума житейского сходит в душу святой праздник и воцаряет-

ся в ней! Как радостно любить и радоваться вместе в этот праздник! Как тяжело о тех, кто не входит в любовь эту и остается в тусклых и серых буднях! Слышит ухо внутреннее пение ангелов, и вторит им сердце. Для этого не нужно знамений, не нужно явлений ангелов, которые однажды уже явились, для этого достаточно внимать сердцу своему и светлой праздничной тишине его. В этом ясном, прозрачном свете сердца реют крыла ангельские и слышится пение ангельское. Изумляется ум и немеет сердце пред таинством Божьего снисхождения и Божьей любви к миру. И становится ясно, насколько мир насковозь пронцаем для Божества, насколько он ничего не может дать, но и ничему не может помешать, ничего не может заслонить. Господь взял для Себя от мира ясли и пещеру, и тем показал, что ничтожны и не нужны для Него все богатства мира. И Господь пришел в мир под кровом неизвестности для мира, чтобы совершить в нем Свое мировое дело. И даже самое напряженное злодейство мира, в лице Ирода, оказалось бессильным для того, чтобы помешать делу Его и уж тем более посягнуть на Него Самого. И меч Ирода, бессильно опустившийся на вифлеемских младенцев, миновал свою жертву, для которой еще не пришло время для Ее принесения. Какую свежесть, юность и бодрость вливает в душу великий праздник. Как будто заново узнаешь и удостоверяешься, что зло призрачно и бессильно со своими Иродовыми ухищрениями, что здесь, в суете мира, *с нами Бог и мы с Богом*. И все, что творится нынешними Иродами, так же смешно, жалко и бессильно против горящей в высотах Вифлеемской звезды. Она *недосягаема* на небе и в сердце. Но или сердце человеческое — небо? Да, небо, ибо в нем горят звезды. Да, небо, ибо в нем рождается Христос Младенец: да, небо, ибо и в нем реют ангелы и раздается ангельское пение. «Христос рождается!»³⁵...

31.XII.1924/13.I.1925

Миновал еще год, новая страница книги жизни, обремененная новыми грехами и искушениями, перевернулась в вечности и предстанет пред моим окаянством на Страшном суде Христовом. О, Господи, мой Господи, доколе я гневаю Тебя, испытую долготерпение Твое? Я вижу свою немощь, свой грех, томлюсь им и остаюсь в нем. Но славлю чудеса Твои, Господи, которые Ты явил мне в мире сем. Вся жизнь есть чудо, чудо есть дары Твои, любимые мои, семья, дружба, все мои радости. Чудо есть труд для Тебя, для дела Твоего на земле, которого Ты удостоил меня, недостойного. Чудо есть милости Твои, которыми Ты меня венчал. Ты спросишь ответа и оправдания о каждом годе жизни, данном нам, и что реку? И, однако, вижу, как велик и благодетелен был

истекший год сей, сколь многое дано мне Богом, сколько надежд и возможностей в нем заложено. Я предаю себя в Твою волю: что Тебе угодно, то буди, нет моей воли, нет моего желанья, скажи мне путь Твой, в оньже пойду.

2/15.I.1925 День преп. Серафима

Преп. отче Серафиме, моли Бога о нас! Моли Бога о земле русской, тобою возлюбленной, тобою осиянной, тобою прославленной. Как исполин, занявший полнеба величием образа своего, стоишь ты, великий старец наш, хранителем земли русской и за нее молитвенником. Твое сердце — угли горящ, твои уста — сладчайшее Имя Иисусово, твои очи — Богородицыно сияние. Ты все преудедал о наших судьбах, ты наперед плакал о них, но ты и обетовал, что, после великих скорбей, прославится и воссияет земля наша вместе с тобою, великий и дивный Старче наш. И стопочки Богородицы ступали на ней, к тебе и ради тебя, избранный в роде Пречистой, отче наш, и неизгладимы следы сии в земле Богородицыной.

Дивный наш, как померкло бы наше небо, как оскудело бы наше сердце, если бы ты не был с нами, если бы ты великими своими подвигами не стяжал бы нам своего предстательства. В тебе тайна России — серафимовская тайна, в угле сердца твоего, преподобие отче наш. Ты освятил землю, на которой ты жил, трудами своими и потом, ты освятил камень тот своею молитвою, ты освятил бор своим житием в нем, ты освятил зверей своим с ними общением. Старче духоносный, ты был нам вестником Духа Святого и возлюбленным Духоносицы Девы. Ты радостей радость познал в Ней, и сия радость была в Духе Святом. Ты познал сияющую радость жизни. Для тебя всякое человеческое существо виделось в озарении Духа Святого, и ты стяжал радость любви, ты говорил каждому: «Радость моя!» Правда, мир и радость о Духе Святом жили в тебе, отче наш. Ты познал воню Воскресения, вкусил божественного винограда веселие, и всегда для тебя была Пасха, всегда уста твои приветствовали людей радостной вестью: «Христос воскрес!» Старче наш, в тебе просиял нам Свет Невечерний, в тебе святая Божественная София, Премудрость Божия, в яве бысть нам. В тебе некий Серафим от Божьего престола сошел на землю в человеческом монашеском образе, и земля та была — земля русская. В тебе и тобою совершилось избрание сей земли святой. И сие неотменно, что бы ни совершалось и как бы ни совершалось с нею. В день сей, священной памяти твоей, это так видится очами веры, что кажутся несуществующим призраком все наши теперешние беды, и нет ничего, кроме Сарова, Дивеева, серафимовских сирот, их мельницы, канавки, стопочек Богоматери и самого дивного, склоненного, на топорик опирающе-

гося благодатного старца, с лазурными очами, сияющими радостей радостью и говорящего нам: «Христос воскрес!»

7/20.I.1925

Во плоти ангел, пророков основание³⁶, Предтеча Господень! Ты зрел и узнал и крестил Агнца Божия, вземляющего грех мира. Ты устоял, не бежав, смятенный, когда море виде и побеже и Иордан возвратися вспять. Твой молчаливый подвиг есть подвиг веры, мужества и самоотвержения. Как сродница твоя Мария в час свой рекла предустановленное от века: се раба Господня, — и тем человечески совершила спасение мира, так и ты, посланный ангелом Божиим от людей к встрече Мессии, ты явил себя Предтечей: ты остался на своем месте свершить страшное дело — крестить Христа, быть свидетелем Богоявления, пятидесятницы Христовой. Какие же ныне человеческие силы устояли пред этим страхом и трепетом? Посему и глаголет Господь: несть болий из рожденных между женами³⁷, ибо кто же способен видеть лицом к лицу Бога во плоти и явлении Пресвятой Троицы. Предтеча *узнал Его*, он узнал *все*, очи его не были закрыты неведением, которое позволяло переносить зрак Его даже апостолам, — *он видел* — и устоял. Встреча миром Агнца своего в его лице совершилась. Она не могла не совершиться. Вочеловечившийся Бог должен был быть встречен и принят человечеством, иначе не совершилось бы *свободное* спасение. Если бы Иоанн убоился или впал бы в страшное искушение соревнования, мир сошел бы со своих оснований, ибо не узнал бы часа своего, и Христос остался бы непризнанный и непринятый. Святой Предтеча Христов, собирай нас в собор свой.

10/23.I.1925

*Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит*³⁸.

Изнемогает душа от греха и бессилия. Мир ранит, и бессильно плачет душа, и видит свой грех и свою немощь. Приходит смерть души, из глубины воззвах к Тебе, но не восходит голос мой, и сам я его не слышу... Дни слабости, дни испытания, дни слез... Господи, я не могу, не хочу зреть своего ничтожества, дай мне зреть только Тебя, думать только о Тебе, любить только Тебя, работать только Тебе. Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом³⁹. Дай мне слезы, но слезы молитвы, слезы умиления. Я Твой, Господи, я не хочу быть своим или чужим, возьми и меня, прими меня...

11/24.I.1925

Господи! Пошли мир Твой на сердце мое! Что слаще мира Твоего, что слаще слез, которые Ты посылаешь, что слаще в предстоя-

нии Тебе на молитве, когда Ты даешь молитву! Господи! Я люблю Тебя, я хочу сгореть в любви Твоей, я хочу любить тех, кого Ты даешь мне любить не для себя, как хочет греховная природа моя, но для них и только для них, как Ты любишь создание Твое. Дай мне эту любовь, научи меня любить — любить не себя в других, но других в себе. Господи, Крепосте моя, прибежище мое и утверждение мое, возлюблю Тебя выну!

16/29.I.1925

«И в ленисти житие мое иждих»⁴⁰. Склоняются дни мои, и все отчетливее и беспощаднее слышу приговор: ленивый и лукавый раб, и вижу всю свою жизнь, погрязшую в самолюбовании, праздности и ленисти, ленисти... Если бы хотя в чем-нибудь утрудить себя до кровавого пота, если бы хотя в чем-нибудь не жалеть себя ради Господа и труда Его. Но всегда и во всем саможелание и праздность. И видишь долгую жизнь, какую дал Бог, как пустое поле невозделанное, поросшее сорными травами, как неосуществленные и пропущенные возможности. Господи, даждь ми положити начало благое: так молится душа, а сама уже не видит этого начала. Но, Господи мой, я знаю, что эти жалобы Тебе на себя призывают гнев Твой. Это — тяжкое уныние, которое более всех грехов. Это — утрата надежды на милость Твою, которая все превозмогает, и даже мою лень. Твоя благодать спасительная орошает и сухое бесплодное поле моей души. Твоя сила ее держит и живит. Я — Твой раб, твори со мной, что Ты хочешь, веди меня, куда Ты хочешь, повели мне, что должен сотворить раб Твой. Господи, научи меня творити волю Твою!

17/30.I.1925

Кончая день, вижу грехи его, грехи немощи, грехи слабости, грехи невоздержанности и грехи ленисти. И кто поможет мне от греха сего? И, вставая утром, вижу пред собой те же грехи, которые мертвым грузом своим лежат на совести моей. Господи, прости, облегчи раны души моей. Ты даешь мне еще и еще жизнь, даешь эти месяцы и годы, а я, окаянный, их испепеляю во грехах моих. Но Ты, Господи, упование мое, прибежище мое, щит мой, утешение мое. Тебе отдаю грешную душу свою.

23.I/5.II.1925

Была потрясающая и умилительная картина отхождения к Богу юной девы. Господь привел меня к ее смертному одру незадолго до ее кончины. Христос посетил ее и приобщил моей грешной рукой Своего Тела и Крови. Как птица в синеву небес, воспарила

ее душа к Жениху, в той комнате скорби тогда было небо, Господь был близ, было чудо милосердия Божия. А теперь она лежала спокойно, ясно и строго, все узнав, чего мы здесь не знаем. И было вокруг молитвенно и торжественно. Как благодатно служение священническое, — Господь дает грешному человеку, приближаясь к таинствам Своим, присутствовать при Своем прохождении. Как Моисей зрел задняя Божия, так зрит их и иерей, и на него ложится отсвет этой Славы, как на Моисея. О дивное и страшное служение! Как возблагодарить Бога за милость сию?

24.I/6.II.1925

Господи! Иногда слабеют плечи мои и, кажется, изнемогают. Поддержи меня силою Твоею. Ты падал и изнемогал в несении креста Твоего, Ты падал и изнемогал под тяжестью грехов моих, ибо Ты нес и мой крест на Себе, и уже пронес и донес его до места Голгофы. А я изнемогаю... Какой грех слабости и малодушия! Но Ты разрешил изнемогать, Ты благословил и изнеможение, ибо падал Ты под тягостью креста и нес его. Так и раба Твоего, Господи, вразуми и научи любить крест свой и не изнемогать от него на пути душою, даже когда изнемогают силы. Ты Сам, Господи, помогаешь, Ты со мной, на Тебя опирается рука моя. Ты всех ведешь, Господи, путем горестного и тягостного покаяния, видения грехов своих, испытания совести своей. Кресту Твоему поклоняюсь, Владыко, научи меня любить крест мой.

31.I/13.II.1925

Господи, благодарю Тебя за любовь. Нет ничего выше любви, блаженнее любви и прекраснее. Ты даешь мне любить и быть любимым, мне, жестоковыйному, недостойному, черствому. Ты благодатию Твоею воспламеняешь во мне любовь так, что кипит сердце мое и сгорает утроба моя. Ты даешь мне себя возненавидеть и ближнего моего возлюбить благодатию Твоею, причащением Тела и Крови Твоей. О, сколь дивное и страшное сие таинство! Как спасает оно и живит причащающихся! Сколь блажен удел иерея, имеющего страшное сие право, и как должны мы стремиться и верующим чаще преподавать святыя тайны. Изменяется природа нашего естества, противоестественное становится естественным, чужая радость — своею радостью, чужая боль — своею болью. И в сердце ликующая радость о каждом человеке, о каждом создании Божием, и заблудшем и погибающем, и не ведающем Создателя своего. И небесной, райской радостью, звоном Иерусалима небесного звенит радость о любящих и любимых, данных Богом. Слава Тебе!

4/17.II.1925

Молюсь святым Божиим, взираю на их лики на их иконах и поименно призываю каждого, беседую с ними, молю их о нуждах своих и с ними вместе молю Господа славы. Святые в иконах своих окружают алтарь мой домашний и сослужат мне, сомолятся со мною. Дивен Бог во святых Своих⁴¹, и блажен человек со святыми Божиими. Это радуга Божия, это хор ангелов-человеков, вместе с нами, грешными, вместе со мною, окаянными, молящихся Богу. Они не гнушаются окаянства моего, и я не устыжусь, но зову их. Любовь наша к святым становится все теплее, ощутительнее, жизненнее, чем мы больше им молимся, и их ответная любовь к нам становится еще пламеннее, если только там может быть *еще*. Но ведь и святые Божии человеки, и для них есть вечное *еще*, и они богатеют в Бога любовью к нам нашими молитвами. Это кольцо человеческой *взаимности*, связующее небо с землею, грешных человеков и Божиих святых, это — осязаемость церкви видимой и невидимой, это — радуга — мост восхождения нашего от земли на небо. И все святые отзываются на наши молитвы, каждый на свою, о своем, к нему обращенную, и говорят своим языком, своим — свят. Николай, своим — преп. Сергей, своим — преп. Серафим, своим — вмч. Пантелеймон, своим — Мария Магдалина, вмч. Варвара... Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев!

13/26.II.1925

Смирись в волю Божию. Если ты видишь, что обстоятельства складываются властно и повелительно, но не так, как хочется тебе в самых твоих искренних, горячих и чистых пожеланиях, покоряйся в том воле Божией, смиряйся. Заставь себя любить десницу Божию, тебя ведущую, хотеть не того, что ты хочешь, но чего Бог для тебя хочет, даже если бы болело и изнемогало сердце твое. В этом высшая мудрость и высшая покорность. Может быть, не скоро, но рано или поздно раскроется и пред тобой правда Божия и любовь Божия, тебя ведущая, ты и сам поймешь всю ограниченность твоих нынешних желаний и возблагодаришь Господа. Потому пусть не мятется сердце твое, если не по-твоему выходит. Если ты сделал от себя все, что мог, и считал полезным и нужным, жди испытания от Господа и Ему покорствуй. Не томи сердце свое чрезмерной заботой о будущем; ты не знаешь, будет ли и как будет для тебя это будущее. Ты омрачаешь сердце печалью, которая всегда греховна, и не радуешься данной тебе ныне радостью. Возложи печаль твою на Господа, и Той ты препитаешь⁴². Успокой неспокойное сердце.

24.II/9.III.1925

Святые дни Великого Поста! Как живителен их ясный воздух, как светит их ясное солнце, как омывает душу их ясная череда... Бог установил времена, и каждому времени дал свой чин и свою силу, но из всех дней избрал и почтил Он спасительные дни сии, в которых собирается и накапливается сила Великого Дня Христова Воскресения. В душе набухают почки нового дня. Но для этого должны быть срезаны старые ветви, как мучительно и тяжело это срезание, когда видишь себя, всю жизнь свою в свете Страшного суда Христова, Его правды. Где наше величие, всегда мнимое, где наша гордость, тешащаяся призраками? Сколь тяжело это — *себя видеть*, поистине не может человек выносить этого долгое время, ищет забыться, отвернуться от себя; и только подвижники, мужи силы, выносили это непрестанное видение грехов своих, непрестанное покаяние. Нам же, малым и слабым, Господь смягчает время оплакивания наших собственных грехов, даруя прощение, даруя ослабу, даруя праздник. И в смирении будем принимать эту ослабу, как неспособные на большее... Один всегда подвизается в монастыре, другой лишь на краткое время туда приходит для молитвы, но пусть и второй не отчаивается. Поистине *страшно* себя видеть, и не надо ни испугаться, ни отравиться страхом, впав в уныние и отчаяние о себе. Это будет лишь новая гордость навыворот, надо *терпеть* и себя, стяжать дух *терпения*.

28.II/13.III.1925

Душе Святый, сердце Отчее, Любовь Любви, Любовь Святой Троицы! Ты дышишь, где хочешь, Ты везде сый, Ты вся исполняй, исполни и меня, худородного и недостойного, пети мыслью славу Твою, возвещать любовь Твою, воспевать пришествие Твое и приближение Твое. О Тебе изнемогает слово, ибо Ты — не Слово; о Тебе трепещет всякое сердце, ибо Ты — трепет сердца Отчего. О Тебе радуется всякая тварь, ибо Ты — Радостей Радость, Радость совершенная. О Тебе утешается всякая скорбь, исцеляется всякая немощь, ибо Ты — Утешитель. О Тебе просветляется всякая сумеречность, ибо Ты — свет преемственный. О Тебе исполняется всякая человеческая мечта, ибо Ты — всех исполнение. О Тебе обожаем — сено в огне, ибо Ты — огонь божественный, нас обожжающий. О Тебе осуществляется всякая надежда, ибо Ты грядущее возвещаешь. О Тебе любовию воспламеняется всякое сердце, ибо Ты — любовь еси и любовию его зажигаешь. Новая заповедь Христова: «Да любите друг друга»⁴³ — есть и обетование Утешителя, Тебя, Любве. Научение апостола языков о пути превосходнейшем любви есть о Тебе научение⁴⁴. Тобою радуемся, Тобою молимся,

Тобою вдохновляемся, Тобою любим, Тобою обожаемся, Душе Святой, Свете Истинный, Радостей Радость, мира Утешение.

1/14.III.1925

Душе Святой, Любовь Божия, осветляющая, увеселяющая, радующая! Никто не знает, когда Ты приходишь и когда уходишь, но знает верное сердце, которое то вдруг трепетно радуется, истаеая, и из себя выходит, то вдруг, оставаясь собой, пребывает печальное, пустое и скванное. Когда Ты приходишь, цветет жизнь, радуются земля и небо, любовью зажигаются люди и радостью веет от всякого Твоего создания, наипаче от человека. Сколь блаженна была бы жизнь, если бы мы могли это удержать, сколь светел был бы мир Божий, земля и небо, если бы всегда он озарялся *этим* светом, сколь чудны были бы человеческие отношения в Духе Божиим, когда человек человеку не омрачение, но радость. Но никто не знает, как Ты уходишь⁴⁵. И мы остаемся жертвами самих себя, неутоленности, изъязвленности и пустоты, пустоты холода отъединения. Жаждет сердце утешения, жаждет вся тварь Утешителя. Утешителю, Душе Истины, прииди и вселися в ны!

3/16.III.1925

Душа человеческая дороже мира. Какое сокровище живая человеческая душа, какие жемчужины могут таиться на дне ее, о которых не подозревает сам человек и окружающие его, но о которых с изумлением и благодарением Богу свидетельствует Ему иерей, принимающий исповедь. Какая страшная на нас ответственность — разрывать этот клад в душах, разрыхлять их для благодати Божией, орошать их дождем молитвы и слова! Господь знает Свое творение лучше, чем мы, в своей ограниченности видящие только кору и пески, и Он знает пути спасения каждого. Как дорог и как хорош человек в своем покаянии, в своей любви к Богу, в стремлении к Нему, как прекрасен кающийся. Он этого никогда не видит, и не может, и не должен видеть в своем покаянии, но видит Бог, видят святые ангелы, видит иерей, исповедь приемлющий. С благодатию священства Господь дает и благодать приятия чужих грехов и искреннего их неосуждения и прощения; священнику — сердце беззлобное. И ему видится кающийся не в грехах своих, но в красе своей Божьего творения, в нем светит образ Господа, в нем начертанный...

4/17.III.1925

Господи, каждый день даешь Ты пищу Твою душе и телу, даешь труд, даешь жизнь. Каждый день душа, омытая молитвой, снова

дышит воздухом Твоим и внемлет Тебе, Богу живому, до тех пор, пока Ты не повелишь и не станет нового дня с его пищей. Человеческое лицо обращено вперед с надеждой, но со страхом мы озираемся назад, ибо там неисчетная череда дней, прожитых в лености, загубленных, потерянных, и с каждым новым днем, каждодчасно старея, мы надеемся начать новую жизнь. Есть ли этот роковой самообман наша слабость, или же спасительная милость Божия? Бог не отъемлет надежды даже тогда, когда ее отъемлет человек, и Бог не постыждает надеющихся нань. Итак, душа моя, что же тебе мешает: начни днесь новую жизнь и веди ее столько, сколько Господь велит... Изыщи, что тебе надо, с чего тебе начинать. Что в твоей власти, что ты можешь, а следовательно, должен немедленно исправить, искоренить, совершить? Молитвенная ли воля и бдение, пост или доверие к Богу, любовное внимание к ближним своим? Побди, душа, и дай Богу плод нового дня твоего, как бы ни был мал этот плод. Господь Сам умножит хлеб твой, но дай его Ему ты сам.

6/19.III.1925

Сила любви — жертва, и высшая любовь есть жертвенная. И Господь хочет и дает такую любовь и силу ее избранныкам Своим. Вся жизнь их есть подвиг, жертва, самоотречение, и никакого умягчения, ни услаждения. И таков образ любви Матери Божией, которая вся есть единая жертва. Вся Ее жизнь, вместе с Сыном Ее была посвящена подвигу жертвенной любви, и оружие сердце Ее всегда и непрестанно пронзало. Раба Господня, Она служила Ему жертвоприносящей любовью Своего матернего сердца, и донныне Она, прославленная на небесах, эту жертву приносит, ибо плачет и ходатайствует о роде греховном человеческом. И таков же был Иоанн Предтеча, сродник Ее. Ему дано было вкусить также лишь жертвенной любви, быть не женихом, но другом Жениховым, не расти, но малиться. Он вольно принес в жертву себя и свое дело, когда сретил Агнца Божьего, но он не вкусил и радости участия в браке, пребывания на брачном пире. Он не присоединился к ученикам Его, не ходил с Ним, не услаждался Его слышанием и лицезрением; он, который больший из рожденных женами, был этого всего более достоин, но оставался *один* со своими учениками, продолжая крестить крещением покаяния, приуготовлять к сретению Христа. Он остался один в ожидании своего конца от меча Иродова, и никакого умягчения, никакого услаждения, никакой радости человеческой, хотя и самой духовной, не было на пути его, одиноком и священно-ужасном и страшном. Его любовь была жертвой и только жертвой, как и Богоматери; и Богом была при-

нята эта жертва... И печать духа Предтечева лежит на избранных душах, которые идут путем стропотным, напряжения, жертвы, подвига, — только не останавливаться; *нельзя отдыхать* — таков голос их души — и идут, восходя от славы в славу, путем Предтечевым — к сонму Царицы неба и земли, Матери на земле Неутешной.

7/20.III.1925

Сколько возлюбленны селения Твои, Господи сил, желает и скончается душа моя во двory Господни!⁴⁶ Сколь радостен, сколь избран удел священника, яко птица обретшего себе храмину. Но не все — священники, однако и несвященникам дает Господь прикасаться к святилищу и радоваться о сем. Зрю жен и дев, создающих священные облачения, покровы для святых тайн Христовых, и радостно ширится сердце мое о них, о любви их, о чуде милости Божией. Непрестанно созидается и проходится благодатная лестница между землею и небом. Она творится и ныне робкими и послушными перстами. Ибо то, что к святилищу, то свято уже в предназначении, свято оно в освящении и, входя в завесу огня, изъемлется из рук человеческих, оставаясь лишь в руках священнических, но поистине не человеческие уже руки священнические (сколь ни греховна, ни окаянна десница моя, о Господи). И то, что шьется и ткется в нашем быту, в обыденной жизни нашей, уже перерождается и святится в наших руках, становится вещью иного мира, нового неба и новой земли. Господь избрал искуснейших и наделил их дарами Святого Духа для совершения работ их для скинии. Но дар этот, сошедший однажды для избранных, остается и передается и ныне в Церкви, он почитет и ныне на тех, кто достойно и молитвенно совершает труд сей. И сии диакониссы Христовы допущены к некоему внешнему двору святилища, и они облакаются священством в *своем* чине непосвященных. И сим созидается мост между святилищем и внешним двором, связь, по которой восходят и нисходят ангелы с неба на землю. И жена, приносящая Господу любовь свою и труд свой, подобится женщине, купившей алавастр мира многоценного и возлившей на ноги Спасителя, и исполнился благоухания дом тот, и Господь сказал о сей блаженной жене, яко благое она сотворила⁴⁷... Благо, да будет благо и ныне сотворяющим благое женам, приносящим скляницу мира драгоценного любви сердца своего.

14/27.III.1925

Незримо сеются семена добра и зла, и часто мы сами не замечаем, как мы друг друга искушаем, как острую занозу вонзаем

в сердце ближнего, иногда отдаваясь своим страстям и похотям, иногда по неразумию. И каков сам, так и с тобой.

Иногда встаешь от сна с бременем в сердце. Лукавый искушает, рассеивает, мешает молитве, терзает недобрыми чувствами. Есть человеческое усилие воли отгонять искушение, но как слабы эти человеческие силы, но есть помощь божественная: заставь себя молиться о том, кто тебя ранил, искренно молиться, и, став перед Богом, ты не устоишь в недобром чувстве, оно рассеется, как дым, и станет ясно сердце твое. А когда *око* станет ясно, и все станет ясно, *светильник тела есть око, да будет же твое око светло*⁴⁸. И поистине мы смотрим на мир и жизнь разными глазами, с молитвой и без молитвы, до молитвы и после нее. Смирять себя, побори свое греховное чувство, благожелай. Если не поддается, постарайся отвлечься и забыть, пока не остынет твое недоброе чувство. Но не унижайся до мелких и низких чувств, храни свое достоинство, ты создан по образу Божию, и сам ты — увы! — нуждаешься от всех в прощении и снисхождении. И больше всех, безмерней всех вина твоя не перед теми, которые тебя жалят или к тебе враждуют, но перед теми, которые тебя любят. О страшный и неоплатный долг, вина любви, скудость любви, себялюбие, бездарность любви, ее неблагодарность! Обрати свой взор на себя, отведи его от искушающего тебя, и плачь, плачь о грехах любви пред любимыми твоими, тебя незаслуженно, неблагодарного, любящими. И разве кто-нибудь может сказать про себя, что он не должник в любви, что он любит так, как говорит ему его совесть? В час смерти, на Страшном суде увидим мы это бессилие и холодность любви своей и черствость, восплачем и ужаснемся, но поздно. Гори же, сердце; Боже, зажги его, зажги Твоею любовью, и в огне, как мусор, сгорят и попалятся все плевелы сердца, все его греховные занозы.

24.III/6.IV.1925

Блаженны есте, егда поносят вас Мене ради⁴⁹. Господи, пошли мне это блаженство. Дай мне радостно принимать испытания и напасти, которые Ты даешь мне претерпеть за Имя Твое. Дай мне чистую совесть и неколебимую твердость идти верным путем Твоего служения. Мужество есть терпение, готовность страдать, если нужно и посылается страдание. Страх же есть стремление сойти с креста и освободиться от страдания под благовидным для себя предлогом. Это так естественно человеческому малодушию и себялюбию, что незаметно вкрадывается в душу. Проверь себя неллицеприятно, в вере ли ты, в истине ли ты, не находишься ли в прельщении. Но если сего не видишь, и пока не видишь, работай

Господу твоему, яко верный раб. Не суди себя по суду людскому. Бойся, чтобы все человеки не говорили про тебя хорошо. Самое опасное и подозрительное — успех, а самое расслабляющее и тлетворное — его жажда. И то, что невинно в юности, греховно в старости. Имей сердце бесстрашное и горящее и его принеси Богу твоему.

29.III/11.IV.1925

День судьбины Божией! кончина святейшего патриарха Тихона, избранника Божия. Осиротела русская церковь, осиротела русская земля, плачет безутешно, но да покоримся воле Божией. Она избрала его и поставила на свещницу, он указан был Материю Божией на великий крест, на безмерную скорбь, и он ныне отозван с своего поста. Непостижимы судьбы Божии, не ведаем, что означают дела Его, в трепете им покоряемся. Но как должны быть мы благодарны, как любить, чтить, хранить в сердце отца и печальника русской земли! Он прославил в себе народ свой в эту пору безмерного уничтожения, он светил всему миру светом своего мученичества. И для меня, окаянного, он явился орудием величайшей милости Божией, ко мне явленной: он меня благословил на священство, он оказал мне высшее доверие, какое может быть оказано, и в слезах лобызал я десницу, благословляющую отца моего. Господи, прими и упокой душу его в святых Своих селениях.

22.IV/5.V.1925

*Из глубины возвах к Тебе, Господи!*⁵⁰ В смятении сердце мое, бессильна душа моя, изнемогает тело, нет мне утешения в грехах моих, в немощи моей. Ранее смерти смерть входит в душу и тело мое и разделяет их. И, бессильный, со дна адава вопию Тебе, Господи, — помоги, укрепи, Ты еси Бог, творяй чудеса⁵¹. Я окружен чудесами любви Твоей, и больше всех чудес — сердце любящее. Как взыскан я любовью человеческой, как взыскан я любовью Твоею. И вдруг я сам себе кажусь опустошен и наг! Освободи меня, Господи, от малодушия, от смятения, от маловерия. Дай мне хотеть все от Тебя, для Тебя и ради Тебя претерпеть! Благословляю крест Твой, лобызаю десницу Твою, меня ведущую, весь вверяюсь Тебе, отдаю Тебе всю свою душу, волю, помышление. Дай мне умереть для себя, дай, чтобы ничто личное и преходящее не омрачало мира души моей, дай мне быть достойным любви Твоей. Солнце мое, Бог мой, Утешение мое, сладчайший мой Иисусе, не оставь утопающего раба Твоего, ничего в нем своего не осталось, кроме немощи, весь я, как сосуд, хотя и грязный, но ничем не наполненный, жаждущий исполниться вод Твоих. Исполни меня, залей,

зажги, возрадуй, дай мне зреть Тебя, знать Тебя, любить Тебя, Иисусе мой сладчайший, сладчайший мой Иисусе!

23.IV/6.V.1925

О чудо милости Божией! Вчера еще было смятение, а ныне тишина и мир от начальника тишины и подателя мира Господа нашего Иисуса Христа. Господь благодатию Своею исполняет душу, заливает ее Своим миром и светом и радостью, и душа упокоивается в объятиях Отца. Какое это громовое потрясающее чудо помощи Божией, которого только мы обычно не замечаем, но которое непрестанно совершается над грешной душой. Горячая молитва, благодатная встреча, помощь друга, который иногда, даже в большинстве случаев, и не подозревает, что он является орудием помощи Божией, и в душе наступает покой, и среди разъяренного моря душевного, захлестывающего своими волнами, приближается Господь и говорит: маловере, почто усомнился еси? И после греховного смятения чувствуешь снова опору, твердую землю, чувствуешь благую уверенность в себе и приток сил, не безумную человеческую самоуверенность, но новый опыт и знание, что Господь близ. Он видит и слышит и знает, и Ему в твердую руку надо предать себя. Не нужно бояться: страх есть грех и может быть смертным грехом. *Не нужно бояться* ни внешних трудностей, ни даже своей собственной слабости и немощи, которые узнаешь во всей их неумолимости в жизни своей, ибо всесильен Господь — помочь, вразумить, укрепить. С нами Бог! Слава Тебе, слава Тебе, слава Тебе, спасающему человека от малодушия, трепета и растерянности. О чудо милости Божией, о благодать!

24.IV/7.V.1925

*Невозможное человеку возможно Бог*⁵². Если непосильная для тебя трудность легла на душу твою, если смущено сердце твое и тревожна совесть твоя, возверзи печаль твою на Господа, и от Него ожидай помощи в трудности твоей. Не поддавайся малодушному унынию, нет силы, которая бы превозмогла благодать Божию. И молись горячо, беззаветно молись, верь, что молитва твоя пробьет каменную стену, воздвигшуюся вокруг тебя — твоим ли грехом, или другими причинами. Господь ведет тебя к неведомому и невместимому благу, все трудности, которые встречаются на пути твоём, кроме греха, суть ступени, ведущие к Богу, к радости нездешней. Но и здесь, еще в земной оболочке, оглядываясь назад, ты видишь, как ты поднялся, насколько воздух стал реже, вид шире, но как страшна глубина, которая угрожает падением. Не поддавайся страху, даже страху безысходности, отовсюду есть

исход на крыльях веры, на крыльях подвига и озарения. Господи мой, Господи, Тебя одного люблю, Тебя одного хочу любить, Тебе служить, научи мя творить волю Твою!

25.IV/8.V.1925

*Аз есмь хлеб животный*⁵³. Господь есть жизнь и дает вкушать Себя верующим ежедневно и ежечасно. День от дня жизни подается хлеб сей, и мы радуемся и живем о нем. Хлеб сей — Господь, подающий Себя в святом причащении, в молитве и в св. Имени Своём. Ведай всякий молящийся и призывающий имя Его сердцем твоим, что ты причащаешься и в сем святом Его Имени, ты вкушаешь хлеб животный силою этого призывания⁵⁴. Он в тебе пребывает, и ты в Нем. Не мерю дает Бог Духа Своего, и есть причащение тела и крови, но есть и причащение Имени. Ибо молитва всегда есть соединение со Христом, в котором входит в нас сила Христова. О, сколь благ Господь, давай нам молитву, давай власть призывать Имя Свое и явивший Имя Свое людям, и Имя это есть Господь Иисус Христос, глаголющий о Себе «и сказах им Имя Твое»⁵⁵. Это Имя, привнесенное впервые ангелом-благовестителем, есть сила, которой мы движемся и живем и есьмы.

29.IV/12.V.1925

Чудеса всегда бывают, и прежде и ныне, и каждый человек, внимательно смотрящий в жизнь свою, знает ощутительную силу Божию и дела святых Его. Нет нужды, что бывает это иногда силою стечения естественных обстоятельств, сердце узнает руку Господню, помощь святых Его. Сколь взыскан я, недостойный, чудесами милости Божией, вся жизнь моя есть соединение чудес Божиих. Но как трудно быть достойным чудес! Как трудно их сохранить в сердце своем и спастись ими от уныния в дни испытаний. Пред каждым новым чудом милости Божией мы ответственны своей свободой, мы должны возблагодарить Господа каким-то делом, какой-то победой над собой, достижением. Ибо чудеса суть «знамения» Божии. Они даются нам не для того, чтобы удовлетворить нужду нашу, но для того, чтобы удовлетворение ее пришло от Господа, а не от человека, чтобы научались мы предзреть и любить Господа выну. И прежде всего наш долг — *верить чуду*. Оно приходит, приемлется, и мы начинаем его *объяснять* естественным стечением обстоятельств. Как будто для неверия нашего, если и мертвый восстанет из гроба, и это не окажется стечением обстоятельств... Такое неверие и неблагодарность есть сугубый грех пред Богом. Нужно возгревать в себе веру так, чтобы и всю жизнь свою видеть как ряд чудес, в свете совершившегося

чуда. Если бы мы умели внимать себе, то не только в удовлетворении нужд своих («ядоша хлеб и увероваша») ⁵⁶, но и в каждом движении своей души, освященном любовью к Богу и ближним, мы видели бы руку Божию. Кто Бог велий, яко Бог наш, ты еси Бог творяй чудеса!.. ⁵⁷

6/19.V.1925

Тайна духовной жизни — в ее неисчерпаемости и всегда новом творчестве. Нам, людям, отягченным заботами века сего, не постигнуть дара отшельничества и пустынножительства, при котором человек живет только в духе, отрешившись от силы внешних впечатлений. И со стороны может казаться, как бедна, пуста и однообразна его жизнь, и дивно, как можно ее выносить. Так же и относительно монастырской жизни, кажется мирянам, что она тягостна именно отсутствием впечатлений. Но так может казаться только до тех пор, пока в собственном духе не забил источник воды живой, бегущей в жизнь вечную, пока не затеплилась утешающая молитва, пока не обрел человек сокровища души своей, в Боге живущей. Возьмите образ дружбы духовной. Разве когда-нибудь истощается ее слово, разве когда-нибудь оскудевает ее радость и утешение? Она таит в себе и раскрывает все новые богатства и, радуясь, изумляется этому богатству. Но всякая человеческая дружба есть только отсвет единой дружбы Бога с человеком, которого Он назвал другом своим («вы друзья Мои») ⁵⁸, и союз душ есть образ того, что есть Церковь Христова. Брак есть союз во Христа и во Церковь, союз плоти и духа, но и всякий духовный союз душ, их общение в Боге, совершается во Христа и во Церковь, ибо творится силою Христовой. Мы не верим до конца глаголам Христовым о том, что Он дает воду, текущую в жизнь вечную. А если бы верили, то не дивились бы тому, что в духе своем обретает человек все сокровища, если только этот дух свой обретет, и в нем — дар Святого Духа.

8/21.V.1925

Только любовь дает мудрость, только любовь дает прозорливость, только любовь дает прощение. Любящий получает способность смотреть на другого из него самого. Нас отделяет друг от друга стена себялюбия, своезаботливости, своекорыстия. Наш взор затемняет пристрастность нашего суждения и видения, мы всегда, думая и о другом, имеем в виду себя, чувствуем себя, но не его. Надо почувствовать его самого, и тогда откроются очи наши. И опытом любви дается этот опыт мудрости, ведения другого, близкого своего, друга своего. Бог дает нам это чудо любви,

дабы наша жизнь непрестанно обогащалась ею, в Бога богатея. Когда ты испытываешь щемящую тяжесть и сухость на сердце, когда твои пристрастия застилают тебе духовные очи, старайся выйти из себя, молись, слезно молись Господу о любви, о том, о ком болит душа твоя, кем она ранена. И Бог даст тебе в ответ на твою молитву крылья души, растает вся твоя тягость, и ты обретешь радость и блаженство любви. Любовь не ищет своего, она бескорыстна; единственная корысть, которой она хочет, это чтобы благо было ближнему твоему. Если любовь твоя своекорыстна, то она не любовь, в ней еще крепко твое себялюбие. Воспитывайся в любви к любви, неси труд любви, подыми крест любви, и он станет тебе все легче и радостней. В этом и есть тайна и сила креста, сила кротости и смирения Христова, делающих иго благим и бремя легким. Ты увидишь болезнь любви твоей и движение сердца твоего: если оно легко и ясно и радостно, полно радости любви, значит, свободно оно от приражения себялюбия, но если оно омрачено, обижено, значит, оно больно, сердце любящее не знает обид, оно не только прощает их, но оно их просто не чувствует. Учись любить, трудись в любви.

10/23.V.1925

Дела праведника идут за ним. После кончины их открываются их святые мощи, они живут в них с нами, делают чудеса, слышат молитвы и любят, любят, сердце их разгорается как пылающий костер и за гранью смерти, и они восходят от славы в славу вечного живота. Но мы — окалянные грешники, ведь и наши смрадные дела идут вслед за нами. Они неизгладимы в книге судеб, но они продолжают дело свое и за гранью человеческой жизни. Они входят в общечеловеческие судьбы, в историю всего человечества, от каждого из нас зависит судьба всего мира, нельзя отстраниться ни от участия, ни от ответственности, и до конца человеческой истории продолжают наши дела; потому Страшный суд будет одновременно над всем человечеством, и каждый прожил жизнь всего человечества, каждый из сынов Адама есть весь этот ветхий Адам. И не только то, что мы сделали, хорошо или плохо, но чего не сделали или недоделали, от этого зависят судьбы всего человеческого рода в его истории, и мы продолжаем жить этой жизнью и за гранью смерти. Вот почему предварительный суд по смерти есть суд нас в нас и нашей непосредственной среде, но последний суд есть суд нас во всем и со всеми. Если бы у нас была серьезность в каждом часе жизни сознавать, что он принадлежит всем, хотя и вверен нам, мы не имели бы способности так терять время жизни, не чтить его, но иждивать в лености. Потому так страшен

час суда Господня, так изнемогает в трепете пред ним душа, что не только все на нем раскроется всем, но и нам самим раскроется жизнь наша во всей ее силе и немощи, во всем объеме своем, и будем мы вопиять: о если бы горы свалились на нас и камни закрыли нас от стыда нашего и праведного гнева Божия? Боже, милостив буди нам, грешным!

13/26.V.1925

«Любы не ищет своего»⁵⁹. А мы всегда ищем своего и себя даже в любви. И только благодать любви освобождает нас от нас самих. Можно приносить жертвы, поступаться своим, но все-таки в основе искать и хотеть своего, как бы ни было это свое возвышенно и тонко. Но закон любви: да отвержется себя. Нужно хотеть в любимом и для любимого только того, что ему нужно, а не тебе хочется, нужно распинать себя в любви, отсекаать свою волю, отречься себя... Это крестный путь любви, без которого она не может созреть и принести своего плода. Почему же Господь от каждого требует крестного пути во след Его? Почему Он возлагает такое, как будто непереносимое, бремя на наши плечи? Потому что без этого огненного испытания любовь не родилась бы в нас, не сознала бы свою силу, свою окрыленность, свое бесстрашие. Совершенная любовь побеждает страх жертвенности. Совершенная любовь *на все готова* ради любви, ибо она знает себя и знает свою вечную природу. Но от человеческой любви — которая обычно представляет неразличимую смесь себялюбия, страсти, приражений с чистой любовью — долгий и трудный путь ведет к победе любви в любви. Долго и мучителен этот путь для человека, но каждый шаг в нем, внутренне оправданный, вознаграждается. Любовь — это талант, который непрестанно умножается, если отдается в рост любви и не полагается в землю. О Боже, укрепи слабое сердце, побори изнеможение. Ты видишь сердца наши. Твоя воля да будет!

22.V/4.VI.1925

Странники есте и пришельцы. Всегда, когда нам приходится расставаться с насиженным местом, испытываем мы скорбь об этом месте, и чувствуем, что к нему прирастаем. Здесь есть и доброе чувство благодарности, живого общения с нас окружающими. Но здесь есть и плен ему, и милость Божия в том, что Он не дает привязываться к месту. Нужно быть свободным странником по земле, чтобы любить ее свободной любовью. *Господь был странником*, Он не имел где главы преклонить, не имел ни дома, ни «язвины»⁶⁰. Но Он во всем явил образ совершенной жизни, и в этом также указал нам меру и образ. Господь имел родину и любил

ее человеческой любовью, любил и Иерусалим, однако никогда не задерживался в одном месте ради любви только к этому месту. Это не безразличие, но любовь совершенная, и потому — высшая свобода. Так же шли и святые апостолы, которые расстались со своей родиной, любимой ими пламенной еврейской любовью, и пошли во все концы вселенной. Благодарение Господу, что Он дает познать и муку, и сладость этого отрыва и этой свободы. Мы не были бы гражданами *Его* мира и Его земли, если бы оставались только гражданами своей земли. Мы не чувствовали бы над собой *всюду* этого необъятного, этого Божьего свода как Отчего дома, отверстого для всех нас. Мы не знали бы, что мы сами, каждый из нас таит эту возможность — быть просто человеком, сыном Божиим, живущим среди братьев-людей, если бы всегда оставались окружены своими соплеменниками. И в Царствии Божиим будет эта великая радость о всяком народе под небесами. Господи, благодарю Тебя за пути изгнания.

23.V/5.VI.1925

Нет крупного и мелкого в человеческих отношениях, все значительно и способно повлиять на душу человеческую. Мы способны иногда явить великодушие в том, что мы считаем крупным, но в мелочах бессильны: раздражительны, капризны, непостоянны. Старцы испытывают меру духовного возраста, подставляя разные раздражающие мелочи, и только испытанные претерпевают без раздражения. Некрасиво быть мелочным и неприятно видеть себя некрасивым. Но дело не в некрасивости, а в этом свидетельстве о душе своей, которое ее обнаруживает. Так велико нетерпеливство твое, что и малого, пустякового испытания не может и не хочет она выдержать. Это — слабость любви, а со слабостью надо бороться не на жизнь, а на смерть, потому что нельзя быть слабым, грешно быть слабым, когда можешь быть крепким, укрепляться, к чему зовет апостол. Не щади же себя, если ты проявил мелочность, раздражительность, нетерпение — ты проявил свою греховную слабость и необузданность, ты проявил слабость любви к Богу. Ты был немирин. Но мир есть высшее сокровище души; душа немирная не может любить и хвалить Бога.

30.V/12.VI.1925

*Всегда радуйтесь*⁶¹, говорит апостол. Он говорит о радости благодатной, о радости о Господе. Но, еще прежде ее, нужно хранить и поддерживать в себе бодрость и свежесть душевную. Человек носит в себе семя смерти и уныние, упадок подстерегает его на каждом шагу его жизни. Они для него естественны, хотя

и греховны. И против этих недугов нужно иметь в себе бодрость, нужно накапливать ее запас, умножать в себе силы жизни, не для того, чтобы ею пользоваться для себя и своего удовольствия, но чтобы отдать ее Богу. Эта бодрость есть естественное преддверие радости о Господе, к которой мы призваны, ее отсутствие закрывает окна души черным цветом уныния. Эта бодрость может быть искусительной, если она сама собой ограничивается (о, сколь многие духовно мертвы благодаря разным причинам), но не тем, кто носит в себе запас бодрости; и для них полезно даже уныние и упадок, чтобы освободиться им от самодовольства и взыскать высшего, чем простая бодрость. Но как, упражняя душу, мы не должны оставлять и тела, и есть долг труда тела, так же как и труда духовного. Равным образом, восходя к духовной жизни, мы должны покорять, смирять и воспитывать душу, которая не должна вечно колебаться между борющимися настроениями, но должна быть легка и бодра. Душа должна быть в послушании у духа и не колебаться, подобно морю. Не стоическое спокойствие, но христианская стойкость есть ее здоровье.

31.V/13.VI.1925

Господи, благодарю Тебя за молитву, за то, что Ты дал нам Имя Твое великое и страшное. Каждый день утро начинается чудом молитвы, из Царства полубытия мы снова возвращаемся пред лицо Божие и, становясь перед Ним, просим Бога о помощи и благословении и славим и благодарим Его.

Вся жизнь наша погасла бы и потемнела без этой молитвы, смерть вошла бы в существо наше и поглотила. Мы меньше всего умеем ценить те блага, без которых мы не можем жить, таков воздух, солнечный свет, земля родимая. И мы не отдаем себе отчета, не видим, как все наше существо строится молитвой и спасается ею. Зачем же так холодна, так поспешна, так нерадива наша молитва? Отчего мы оскорбляем Бога и себя самих своей холодностью и духовной ленью? Трудись, не ослабевай, упорствуй в молитве, и она сама будет помогать тебе, сладчайшее Имя Божие как мед будет в твоих устах. Господи, научи нас молиться, дай волю к молитве, внуши к ней любовь!

2/15.VI.1925

Бывает, что застилает очи забота. Тревога о жизненных трудностях овладевает душой, и тогда пуста она — бедная душа не принадлежит себе, но представляет волнующуюся зыбь. Кажется, что надо устранить беспокоящие вещи, и все станет на место, но на самом деле надо, чтобы они перестали беспокоить, ибо они не должны

иметь силы над душой, знающей хождение пред Богом. Старайся достигнуть, чтобы сохранить безмятежный дух, и тогда сами собой исчезнут и рассеются искушения. А это бывает, лишь когда *искренно* и совершенно себя предашь в волю Божию. Способность отдаваться этим волнениям есть мера возраста. Смотри, как слабо и неглубоко в тебе кажущееся иногда столь глубоким духовное устройство, мир духовный, если он может быть нарушен любым пустяком, повседневностью. Как стыдно, как грешно малодушествовать, оскорблять Бога многопопечительностью, чрезмерной впечатлительностью, маловерием. Из мелочей составляется крупное, не давай же врагу бить тебя по мелочам, мужайся и отражай его щитом веры. Будь мирен, и тогда будешь мудр.

3/16.VI.1925

Вера без дел мертва есть⁶², так и любовь — без труда и терпения. Любовь есть терпение, хотя терпение и не есть еще любовь. Любовь создается терпением, которое есть жертва любви и труд ее. В сем грешном мире различие между людьми есть и противоположение, из которого возникает трение. Чем ближе сходятся люди, тем чувствительнее становятся они к взаимному трению, и потому терпение всегда остается на страже любви. Нетерпеливость и нетерпение ослабляют, охлаждают любовь, ибо они от себялюбия, себяутверждения. Терпение научает самой силе любви, перенесению себя в другого, своей жизни — в жизнь этого другого. Любовь венчается радостью, и в радости нет терпения, нет жертвы, но без силы ее нет и истинной радости. Посему и сказано: терпением спасайте души ваши, и претерпевый до конца спасен будет⁶³. Терпение есть испытание, свидетельство любви нашей к Богу, которая также не должна быть даровой и тунеядной. И Божия любовь к нам есть долготерпение. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив!

4/17.VI.1925

*И бысть тишина велия*⁶⁴. Нужно, чтобы тобою чтимое дневное Евангелие являлось неким событием в твоей жизни, как бы совершалось и в твоём присутствии и в твоём участии. Ибо на то и дано святое Евангелие, чтобы все верующие, а не только бывшие со Христом избранные Его, зрели земные дни Его и сочувствовали в них. Потому зри очами не как рассказ о том, что когда-то с *другими* было, но что с тобой днесь совершается. Три сердце твое, пока не почувствует оно истины этих слов. На то и дано дневное Евангелие, чтобы изо дня в день жили мы с Господом. И вот, если чтешь ты рассказ об укрощении бури, то знай, что

не в переносном, а в прямом смысле бывает это с тобой, и ты тонешь, или изнемогаешь, или соблазняешься и искушаешься от волнения греха ли, или обстояния, и к тебе обращены слова «маловере», но и с тобою совершается это чудо: бысть тишина велия, утихло волнение сердца, и в ясности его вод отразилось небо. Поставь себя пред лицом Господа, моли Его о помощи, бери Его руку, тебе протянутую, и ты победишь волнение души твоей и познаешь радость новой встречи с Господом. О милость Божия, о чудо, каждодневное Евангелие!

6/19.VI.1925

Душа человеческая дороже мира⁶⁵. Но она и есть мир духовный, эта душа человеческая; Господь создал ее по образу Своему и вложил в нее бесконечные глубины и богатства. Мы живем в неведении и в беспечности об этих богатствах, но иногда они открываются взору любви во всей своей красоте, и душа в иступлении благодарит Бога, создавшего эту душу. Мы дивимся красотам мира, возвещающим славу Божию, но еще больше мы дивимся красотам человеческой души, вложенным в человека. И, дивясь красотам мира, мы сами остаемся, какие были, мы только созерцаем. Но видеть духовные красоты и мы в жестоковыйности своей не можем безучастно, и души наши воспламеняются любовью и в ней сами уподобляются этой красоте, светят ее светом. Так, словно свеча от свечи загорается любовь и светит святость в душах. Поэтому нет ничего нужнее и важнее для человека, нежели святость. Святой влечет к себе и согревает; и наполняет, и спасает, и зовет — к подвигу, как журавли из веси небесной зовут нас к себе в высь, говорят и нам, что у нас в душе есть крылья. Не знаем мы сами, что мы имеем от Бога, и вдруг святой — душою своей — являет нам нашу собственную силу и нашу собственную красоту чрез всю нашу немощь. И душа, рванувшись, поднимается в небесную высь и купается в свете и воздухе.

7/20.VI.1925

Боже, даруй мне смиряться! Как часто бывает, что, если что-нибудь совершается не по воле моей, волнуется дух мой и я полон гнева и нетерпения. А того не вижу, что Бог посылает мне урок смирения. Смирись — и победишь искушение, снова станешь тверд и ясен, свободен душой, но до тех пор, пока бунтуешься, ты раб. Отцы испытывали терпение своих послушников иногда самым — извне — соблазнительным образом. Надо сохранять мир душевный, и только то, что ты видишь в мире, то и делай. Пока же тобою владеет страсть или гнев, не верь движениям своего

сердца. Они тебя обманывают, потому что ты думаешь о себе, что ты искренен и бескорыстен, а тобою между тем движет грубое или тонкое себялюбие. И не смущайся внешним видом и странностью посылаемых испытаний: разве осмысленно гневаться на палку, которою Господь тебя испытует и наказует? Эта палка находится в руке Всевышнего, и в ней и за ней прозревай и чти ведущую тебя и наказующую тебя руку. И особенно не давай над собой власти гордости и самолюбию, которые будут шептать тебе, что ты не достоин того унижения или испытания. Нет, всегда достоин и худшего, только милосердствует и долготерпит о тебе Господь. Возгревай же дар терпения и мудрости, терпение и мир Божий да будут в сердце твоём.

[На этом обрывается тетрадь матери Бландины, переписавшей от руки рукопись о. Сергия Булгакова.]

